

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ АВТОМОБИЛЬНОГО
ТРАНСПОРТА И ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

**ОЧЕРКИ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА, ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ
О ВОЙНЕ И ЖИЗНИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Москва

2015

9 мая 2015 года исполняется 70 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне, и чем дальше от нас 1945 год, тем меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны, труженников тыла, которые могут поделиться своими воспоминаниями о войне.

В честь юбилея со дня Победы в Великой Отечественной войне, стремясь сохранить память о подвигах и труде ветеранов во благо нашей страны, члены Президиума, Молодёжного совета обкома профсоюза выдвинули инициативу создания очерков воспоминаний ветеранов – автотранспортников и дорожников, членов их семей о войне и жизни в военные годы.

В этой брошюре собраны воспоминания очевидцев и рассказы их близких о событиях этой войны.

Вакульчик Анатолий Сергеевич — родной дядя бухгалтера профкома Автоколонны №1788 города Подольска, Белосусовой Татьяны Викторовны. Уроженец города Подольска Московской области.

Вакульчик Анатолий Сергеевич, 1919 года рождения, состоял на военной службе в Красной Армии сначала красноармейцем — связистом, а затем ефрейтором — артиллеристом, с 10 октября 1940 года до его гибели 8 мая 1945 года за несколько часов до объявления победы. Служил в 725 артиллерийском полку 196 стрелковой дивизии.

Был награждён орденом «Красная Звезда» №580760 приказом 196 стрелковой дивизии № 07/н от 13 февраля 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.

Статья из военной газеты (хранится в семейном архиве). Газету прислали моей бабушке Вакульчик Прасковье Дмитриевне вместе с извещением о том, что ефрейтор Вакульчик Анатолий Сергеевич погиб 8 мая 1945 года с отдаванием воинских почестей на южной окраине города Тукумс, 200м западнее шоссе на дороге.

БЕССМЕРТИЕ

«О тех, кто пал в последний день войны»

Курляндская земля, обаятая тишиной и цветением. Июньская листва, как зеленый дымок, клубится у хуторов. В садах нежно белеют узловатые яблони. Залиты солнцем чистые приморские городки.

Уже историей стали извилистые траншеи — наши и немецкие — и мотки ржавой колючки, и эта, нарытая во-

ронками лощина, называвшаяся «ничьей землей». Историей стала и свежая братская могила у дороги, ведущей в Тукумс, в яблоневом саду, где еще недавно стояли на прямой наводке наши орудия. В этой могиле похоронены герои, о которых мы хотим рассказать. Под белыми цветущими ветвями покоятся артиллеристы, павшие в последнем бою, в последний день Отечественной Войны.

Мы обнаружили эту могилу, едучи в Тукумс. Остановив машину, мы прочитали на фанерной дощечке простые имена павших. Вот они: капитан Николай Цепелев, ефрейтор Анатолий Вакульчик, старшина Лукьяненко, сержант Александр Громов, ефрейтор Федор Фотин и красноармеец Владимир Черный. Дата гибели — 8 мая 1945 года.

Мы сняли фуражки и молча постояли над прахом солдат, отдавших свою жизнь за несколько часов до победы, не пожалевших себя во имя свободы.

Вечером того же дня мы сидели среди артиллеристов полка, где служили павшие. Боевые друзья героев наперебой рассказывали нам о них. И нами все время владело чувство, что речь идет о живых, что капитан Цепелев и пятеро его сподвижников сидят здесь, рядом с нами. Казалось, что вот-вот кто-нибудь из них вставит свое слово в этот коллективный рассказ о последнем бое.

Вечером 7 мая дивизион Николая Цепелева занял огневые позиции в километре от переднего края. Дивизион поддерживал пехотинцев капитана Парамонова. Ночью наши части прорвали немецкую оборону под Тукумсом и на рассвете 8 мая ворвались на северо-западную окраину города.

Цепелев ехал на головном «Додже», который тянул за собой орудие. Машина двигалась по улице, где все дышало огнём.

Каждый из артиллеристов знал и чувствовал, что до победы над Германией остались считанные дни. Каждый, наверное, думал о том, что если уцелеешь в эти несколько дней, то доживешь до мира, до счастья, до сбывшейся мечты. Но никто из них не щадил себя и дрался так, как в любой из бесчисленных боёв дней. Все они прошли горнило битвы за Ленинград, геройски сражались в Прибалтике, и по несколько боевых наград красовались на груди каждого.

И они ринулись в пекло уличного боя и, развернув орудие на асфальте мостовой, открыли огонь прямой наводкой по немецким мотоциклистам, преграждавшим дорогу нашей пехоте. После каждого выстрела пушка плавно откатывалась назад по асфальту. Под прикрытием огня стрелки очищали от немцев аккуратные домики, утопающие в зелени.

Рассеяв мотоциклистов, Цепелев посадил на свой головной «Додж» командиров батарей и снова устремился вперёд. Из-под машины выскользнул последний немецкий мотоцикл. Немец удирал, отстреливаясь. Цепелев приказал Фотину догнать и раздавить мотоцикл. «Додж» мчался вперед и неожиданно наскочил на засаду. Слева, на бровке кювета, сидели немецкие автоматчики, а в кустах по обе стороны улицы были замаскированы две самоходки. «Додж» окутался дымом разрывов. Фотин упал грудью на баранку. В кузове осколком убило Лукьяненко. Машина остановилась с пробитыми баллонами. Орудие тоже было повреждено.

Капитан Цепелев и старшие лейтенанты Первушин и Ветчинников, а с ними бойцы расчёта, отбиваясь из лич-

ного оружия, прорвались в дом на перекрестке и, укрывшись там, повели ружейно-автоматный огонь по немцам.

По дороге в дом погиб Черный. В самом доме погиб Громов. В последние минуты своей жизни оба героя успели нанести немцам большой урон.

Три наших офицера продолжали драться в окруженном доме. Несмотря на потери, немцы наседали. На помощь вражеским самоходкам подоспели две автомашины с крупнокалиберными пулемётами. Цепелев, Первушин и Ветчинников держались стойко. Каждый из немцев, приближавшийся к дому, получал свою порцию свинца. От разрывов наши храбрецы укрывались в цементной яме, которая зияла посреди комнаты.

Крупнокалиберные пули перебили спину капитану Цепелеву. Он тяжело сполз на пол у окна, из которого вёл огонь.

Вся эта схватка продолжалась всего несколько минут. У Первушина и Ветчинникова оставалось по три патрона, когда в гуще немцев стали рваться наши снаряды. Вспыхнула одна немецкая самоходка. Это подоспели наши артиллеристы, с хода развернув орудия, ударили по врагу. Скоро улица была полностью очищена от немцев. Трупы врагов усеяли её.

Первушин и Ветчинников, выйдя из дома, снова устремились с артиллеристами дальше, вслед нашим пехотинцам, уже дравшимся впереди.

Тела павших героев отвезли в полковой тыл. За их смерть жестоко отмстили в тот день артиллеристы. На батареях прошли краткие митинги.

Первушин, развернув пушки, произнес короткую речь тут же, на огневой. Слово попросил было командир орудия Калимулин, но послышалась команда: «К орудиям»,

и через несколько секунд батарея дала залп. Калимулин сказал своё слово огнём. Его орудие выпустило 24 снаряда, и все они обрушились на голову врага, расчищая путь пехоте. Огнём сказали своё слово все расчёты дивизиона, которым командовал Николай Цепелев.

Тукумс был взят.

А через несколько часов по всей линии фронта немцы выкинули белые флаги.

Вот что рассказали нам старшие лейтенанты Первушин и Ветчинников и другие артиллеристы о подвиге шести героев, павших в последний день войны. Они показали нам их фотографии. С маленьких карточек на нас смотрели открытые простые лица шести бессмертных.

...В день победы, когда Москва из тысячи орудий салютовала победителям, когда столица нашей Родины торжественными залпами славila живых и чтила память павших, этот могучий раскат облетел все уголки освобождённой земли. Он долетел и сюда, до свежей могилы в яблоневоm саду под Тукумсом — салют победе, жизни, бессмертию.

Я. Хелемский

В. Викторoв

Ермолаев Виктор Андреевич,
бывший председатель
Объединённого комитета
профсоюза ФУАД
«Центральная Россия»

«Кромсали их в мясо»

Я родился 19 августа 1924 года в городе Москва, на Ново-Алексеевской улице. По национальности — русский. Православный. Член КПСС с 1958 года, член ДОСААФ.

В 1941 году окончил школу №293, в бывшем Ростокинском районе Москвы.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, возвращаясь из парка «Сокольники», где мы с моими школьными товарищами гуляли после выпускного вечера в нашей школе.

По призыву Московской партийной организации в районах столицы начали создаваться дивизии народного ополчения. Узнав об этом, я и мои друзья — Степанов Леонид и Вольвовский Виктор записались добровольцами в народное ополчение.

Формировалось наше подразделение в нашей родной школе. Я был зачислен в отдельную роту связи при штабе 13-й дивизии Ростокинского района. Определённые воинские навыки мы уже имели, так как в школе с 8 по 10 класс преподавался особый предмет — «Военное дело». В программе предусматривалось изучение устройства винтовки, пулемёта «максим», правил защиты при воздушном нападении. Занимались строевой подготовкой и сдачей норм ГТО, участвовали в соревнованиях по стрельбе из мелкокалиберных винтовок, изучали правила по оказанию первой помощи раненым и т.д.

За четыре дня, со 2 по 6 июля, были сформированы 37, 38 и 39-й полки и управление Ростокинской дивизии народного ополчения. Принципом формирования являлась запись добровольцев, не подлежащих мобилизации в армию по возрасту, состоянию здоровья или другим причинам. Запись в ополчение проводилась на предприятиях, в школах, учреждениях в торжественной обстановке. Она явилась демонстрацией беспредельной любви к Родине, готовности москвичей встать грудью на защиту Отчизны. На крупнейшем предприятии района — заводе «Калибр» в ополчение вступили 750 человек, из них 500 человек записались в первый же день, сразу после митинга. Желающих было ещё больше, но запись пришлось прекратить в связи с тем, чтобы не нарушать работу завода.

Командиром дивизии был назначен преподаватель академии им. Фрунзе полковник Морозов П.А. Сформированная дивизия разместилась на территории северной части района в помещениях школ и других учреждений.

В ночь на 7 июля дивизия выступила из города на запад. Путь её был недалёк — в район станции Фирсановка, Октябрьской железной дороги. Здесь дивизия приступила к полевым занятиям, началась напряжённая боевая подготовка. Было получено военное обмундирование; вооружили дивизию трофейными польскими винтовками. Автотранспорт, велосипеды, различное снаряжение выделили предприятия и организации района. Дивизия доукомплектовалась личным составом и специалистами, курсантами военных училищ.

17 июля дивизия была срочно погружена в железнодорожный эшелон и отправлена в район города Волоколамск (Московская область), где получила боевую задачу создать резервную оборонительную полосу, а также бороться с вражескими десантами и агентами, засылаемыми в наш тыл.

Наша дивизия была включена в состав 32-й армии Резервного фронта. В конце июля по приказу командующего 32-й армией, дивизия совершила 150 километровый переход и заняла оборону западнее города Вязьма, в районе станции Семелёво. Переход дивизии прошёл успешно и в установленный срок, продемонстрировав организованность, высокую дисциплину и выносливость личного состава. Здесь нашей дивизии был присвоен номер — 140-й стрелковой дивизии.

На всём пути мы, связисты, обеспечивали круглосуточную доставку корреспонденции от штаба дивизии до полков и обратно. В этот период мы получили отечественные винтовки вместо трофейных. Полковые подразделения доукомплектовались оружием, пулемётами, миномётами, средствами связи и др. Вместо выданных ранее велосипедов нам предоставили лошадей.

Рота связи, в которой я был, реорганизовалась в отдельный батальон связи. Мы каждый день изучали расположение наших подразделений по карте, ибо в этих условиях необходимо было хорошо ориентироваться на местности, быть особо внимательным при движении, чтобы исключить возможность быть схваченным диверсантами и агентами врага.

Бывая в подразделениях нашей дивизии, я видел, как неустанно велись земляные работы, отрывались траншеи, строились дзоты, укрытия. На рубеже восточнее Вязьмы дивизия построила главную полосу обороны в кратчайшие сроки. Хотя непосредственного соприкосновения с противниками ещё не имели, но дыхание фронта стало реальным. Вражеские самолёты регулярно обстреливали из пулемётов бойцов, проводивших оборонительные работы, передвигающиеся к линии фронта группы наших солдат и автомашины.

К сентябрю из полков дивизии всех малолетних, которым не было семнадцати лет, по приказу командира дивизии отправили домой. Мне повезло. Я, оставаясь при штабе дивизии, не был замечен и под этот приказ не попал, словом, продолжил свою службу.

29 сентября командующий 32-й армией генерал Вишневский С.Д. приказал 140-й стрелковой дивизии к утру 1-го октября выйти на рубеж реки Днепр и занять оборону на участке устье р.Вязьма, Сумарково, на правом фланге 19-й армии, обеспечивая стык с левофланговой дивизией 30-й армии, с переходом в подчинение командующего 19-й армией Западного фронта. Вот на этом участке фронта наша дивизия приняла первое боевое крещение.

С запада, из-за реки Днепр, появилась авиация противника — не менее 20-25 самолётов, которые по одному, друг за другом, переходили в пикирование на цепи ополченцев. После двадцатиминутной бомбёжки не менее двух батальонов, поддерживаемых пятью танками, под прикрытием артиллерийского и миномётного огня начали наступление, пытаясь сбросить ополченцев с плацдарма на высотах правого берега реки Вязьма.

В этих условиях ополченцы проявили высокую стойкость, мужество, презрение к смерти. Наступление было остановлено. Потеряв два танка и понеся потери в живой силе, противник окопался и начал беспорядочно стрелять из пулемётов и миномётов. Наши войска начали укреплять свои позиции. Фашисты несколько раз ещё пытались повторить свои атаки, но безуспешно.

2-го октября разведка дивизии установила связь с представителями оперативной группы заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Болдина И.В. В ночь на 3-е октября командир дивизии получил от генерала Болдина дополнительную информацию и ориенти-

ровку по обстановке. Стало известно, что немцы прорвали фронт и во многих местах значительными силами танков и мотопехоты глубоко вклинились в оборону войск Западного фронта. Дивизии ставилась задача: прикрыть и обеспечить отход войск оперативной группы и 19-й армии через реку Днепр. Не допустить выхода противника с севера от г.Холм-Жирковский в район между Днепром и его притоком р.Соля и в район южнее р.Вязьмы.

С этим очень важным пакетом, запечатанным сургучом, я отправился по указанию штаба дивизии в расположении 37-го полка. Что-то очень сильно билось мое сердце. Я чувствовал, что от того, как быстро я доставлю секретный документ, во многом будет зависеть развитие сложившейся ситуации на этом рубеже фронта. Быстро ориентируясь в лесу, по тропинкам несла меня преданная лошадка.

В штабе первым ко мне подошёл секретарь профбюро с завода «Калибр» комиссар полка Михаил Васильевич Сутягин. Распечатал пакет и прочитал: «Стоять на месте до последней капли крови. Ни шагу назад. Любой ценой задержать врага и его продвижение вперед на восток». Приказ был воспринят присутствующим, как священный долг. Командование полка понимало, что долго сдерживать лавину врага, хорошо вооруженную техникой, невозможно. К этому времени была произведена перегруппировка частей в полку, созданы минные поля севернее р.Вязьма и западнее р.Днепр. Ополченцы совместно с сапёрами вырыли в промежутках минных полей щели для истребителей танков, которые располагались парами в одной щели с ручными гранатами и 10-15-ю бутылками с горючей жидкостью. Это мероприятие позволило ополченцам эффективно создать препятствие для наступавших фашистских танков.

3 октября после авиационной подготовки, под прикрытием артогня силами двух батальонов при поддержке 6-8 танков фашисты атаковали позиции 37-го полка на плацдарме у деревни Кошкино и ворвались в наши окопы. Резерв полка подошёл вовремя, контратаковал врага и уничтожил прорвавшихся немцев. В этом бою пали смертью храбрых большое количество ополченцев; большие потери понесли и немецкие захватчики.

День 8 октября для дивизии был «чёрным днём». Бой не прекращался ни на минуту. Авиация, артобстрел, танки яростно атаковали наши позиции. За день было отбито восемь атак. Ополченцы держались стойко. Подразделения дивизии истекали кровью, потери личного состава в ротах достигали 50% и выше.

За период боёв в районе Холм-Жирковский дивизия потеряла убитыми и ранеными более 6000 ополченцев. Во вражеском окружении оказались четыре армии Западного фронта. Лишившись боевого центра управления, они принимали все меры к выходу из окружения отдельными воинскими подразделениями. В одном направлении прорыва под Вязьмой принимал участие и я, но вырваться из окружения мне, как и многим воинам, не удалось. Я попал в плен.

Большое количество военнопленных согнали в Вязьму и разместили в недостроенном здании мясокомбината, обнесённом колючей проволокой в несколько рядов. Голод, холод, болезни и тысячи смертей. Варварское, бесчеловечное обращение к нам — пленным трудно описать. Скопилось за этой изгородью как в муравейнике огромное количество военнопленных. Ни воды, ни еды. У кого-то в вещевых мешках были сухари и еще кое-что из еды; старались по возможности поделиться друг с другом. Однажды нам за изгородь кинули тюбики с сухим концентратом

гречки, пшена. Но надо было видеть, как на это «угощение» набросились голодные наши товарищи, кому-то досталось, а кому-то нет. Обессиленные тихо отдавали свою душу Богу. Запомнилась мне такая история.

Приезжают какие-то немецкие офицеры с отрядом солдат и проходят среди нас. Один из офицеров держит в руке тросточку и указывает на пленного. Охранник говорит «Швайн, ком» (свинья, ко мне), его берут и выводят за пределы лагеря, раздевают до нательного белья и сажают в грузовую машину с открытым кузовом. Так в течение многих дней проходил отбор «лиц еврейского происхождения». Сколько бойцов этой национальности были увезены из лагеря и расстреляны извергами-нацистами!

И вот в лагерь прибыл большой отряд немецких солдат на лошадях — началась эвакуация лагеря. Всех, кто мог двигаться, выгнали за пределы и большой цепочкой двинули в направлении на запад. С обеих сторон колонны — охранники на лошадях с автоматами. Колонна двинулась в путь.

Страшно и больно было смотреть на всех тех, кто очутился в ней. Измученные, больные, раненые, разных возрастов они мало походили на людей. Тех, кто не мог двигаться, охранники пристреливали на месте. Гнали нас по большаку, вдоль которого осталось много разбитого трофейного снаряжения, убитых лошадей и трупов. На поле лежали остатки неубранной капусты, картофеля и других овощей. Голод заставлял нас выбегать из колонны и хватать что попадётся. Одним удавалось, а другим за это приходилось расплачиваться своей жизнью. В считанные минуты от убитой лошади оставался лишь скелет, а кусок конины давал дополнительные силы. Нас не оставляла мысль, что необходимо как можно скорее бежать из колонны. Другие надеялись на Бога.

В районе Ельни, Смоленской области немцы-охранники устроили ночлег для военнопленных. Вокруг разожгли костры. На территории было несколько сожженных домов, в один из них кидали умерших пленных и расстрелянных при побеге. В темноте мы, трое москвичей, незаметно пробрались в тот дом и спрятались под трупами. Утром колонна двинулась дальше, а мы после её ухода выбрались на белый свет и двинулись в лес. Решение было принято: «Идти на Москву». От деревни до деревни, через леса и поля, обходя немецкие части, мы двигались до тех пор, пока в одной деревне нас не заметили немцы и не бросили в сарай. К нашему счастью, а может, к несчастью, по этой дороге прогоняли другую колонну военнопленных, и нас немцы бросили в неё. Имея опыт побега, мы в районе г.Всходы вновь совершили побег. В этой колонне охрана была слабее, поэтому многие последовали нашему примеру. Истощённый, обессиленный, я был оставлен моими земляками на сохранение в деревне Холм у бабушки Марии Петровны Брейда (по национальности латышка). Её сын был на фронте, дочь жила в соседней деревне Клетка. Трое суток я был в бессознательном состоянии. Она сняла с меня военную форму, обмыла, постригла. Давала какие-то травы, чтобы восстановить мое здоровье. Но вскоре по этой деревне проходил карательный отряд немцев. Они отбирали у крестьян одежду, еду, скот и другое. Зашёл немец и к нам в хату: «Матка, это партизан?» «Нет, — ответила бабушка, — это мой сынок». Забрал он последние три курицы у неё и ушёл. Силы мои постепенно восстанавливались, ко мне стали приходить деревенские мальчишки. Они то и рассказали мне, что в лесах создаются отряды партизан. Ребята сделали в одной из землянок склад боеприпасов.

В декабре 1941 года я простился с бабушкой Марией и ушёл к партизанам, с которыми продолжил боевой путь.

Зимой 1942 года на нашу территорию стали проникать лыжники-разведчики с Большой земли. Они говорили, что скоро сюда прорвётся кавалерийский корпус генерала Белова. И вот наступил тот день, когда я с партизанским отрядом влился в 168-й кавалерийский полк. Зачислили меня в пулемётный расчёт. Партизанский край занимал большую территорию в Смоленской области. Он привлекал большое внимание немецкого командования, желавшего как можно скорее ликвидировать сопротивление наших в своем тылу. Активные действия войск генерала Белова и партизан вынудили гитлеровцев бросить против нас более семи дивизий. В ходе ожесточённых боёв оккупанты были изгнаны с большой территории, и в течение пяти месяцев они удерживались лишь в районных центрах, на железнодорожных станциях и в посёлках. В боях за станцию Семелёво пришлось участвовать и мне. Перед началом наступления враг превосходил нас в силе, создал оборонительную линию. Нам же пришлось вести наступление с лесной стороны, где впереди было заснеженное поле. Дважды ходили мы в атаку, но под натиском ураганного огня противника приходилось возвращаться на исходные позиции. Только в третий раз отважным бойцам удалось штурмом взять немецких захватчиков в кольцо и уничтожить их. В этом наступлении я сильно обморозил ноги. Двое бойцов вытащили меня с поля боя в лес, а затем отправили в лазарет, в тыл, где мне оказали первую медицинскую помощь. Затем переправили в центральный госпиталь армии Белова. Там хотели ампутировать обе ноги до колена, но я не дал. Вскоре стали появляться наши самолёты. По мере возможности мы получали с Большой земли воздушным путём боеприпасы, медикаменты и продовольствие. На обратном пути вывозили большое количество раненых, подлежал эвакуация и я. Но судьба распорядилась по-другому. Аэродром наш был раз-

бит налетевшими вражескими самолётами. Так я с больными ногами и оставался при госпитале. Измученные, полуголодные боевые части получали подкрепление за счёт сбрасывания к нам на парашютах десантников. Кольцо окружения постепенно сужалось. Был получен приказ о выходе из окружения на соединение с главными силами, которые перешли в наступление. Прорыв был организован ночью в районе деревни Крапивна в направлении г. Киров. Эту задачу выполнить удалось не всем соединениям. Некоторые остались по ту сторону фронта, в том числе и раненые бойцы в госпитале.

И снова плен, да ещё с больными ногами. Нас пригнали в г.Рославль, по существу, в лагерь смерти. Землянки, колючая проволока в несколько рядов. Издевательство, садизм охраны. Два раза в день выдавали баланду (котелок, в который умышленно добавлялась костная мука, что вызывало мучительные боли в желудке). Чудом мне удалось уцелеть! Однажды немцы взяли группу из десяти военнопленных на работу в город, привели нас в бывший техникум, где расположился немецкий госпиталь. В подвале этого здания оборудовали для нас камеру с нарами для ночлега. Под охраной нас заставляли выполнять разные хозяйственные работы. С каждым днем мне становилось всё хуже и хуже. Я применял способ самолечения: вскрывал раны, выдавливал скопившийся гной и ожидал новых нарывов. Однажды, проходя мимо меня, немец заметил, что у меня с ногами, закричал: «Русский свинья! Ты же заразный!» Схватил меня, завел в операционную и показал врачу. Тот дал команду положить меня на операционный стол. «Вот, думал я, дурак! Своим врачам не дал оперировать. Теперь я в руках «иностранца»». Что-то долго он творил, а закончив сказал: «Хорошо будет! Иди на работу». Я встал, а мои ноги были загипсованы по колено. Позднее этот гипс сняли. «Ты должен быть осторожен со

своими ногами», — сказал мне, конечно, по-немецки тот хирург.

После окончания рабочего дня нас приводили в подвал, выдавали паёк с едой и запирали на ночь. В начале 1943 года этот госпиталь перебазировали в г.Смоленск. Это было вызвано начавшимся натиском наших войск, возникшей необходимостью укрепления открывавшегося фронта англо-американскими войсками в Италии. Позднее нас погрузили в товарный вагон и, прицепив его к составу с обслуживающим персоналом госпиталя, направили на запад.

Так мы оказались в далёкой от Родины стране — Италии. Госпиталь расположился в Северной Италии, в городах Тренто и Рива дель Гардо. Против фашистского режима восстали многие слои населения Италии. Они организовали партизанские отряды и вступали в ряды Сопротивления.

Для работы в госпитале немцы набирали рабочую силу. С целью получения разведывательных данных в состав вольнонаёмных граждан проникали те, кто каким-то образом был связан с партизанами. Они вели определённую работу по вербовке с целью оказания всевозможной помощи патриотам Сопротивления. Постепенно присматривались и к нам — военнопленным. От них мы узнавали последние новости о ходе военных сражений на фронте, о наступлении наших войск. Вначале они давали нам отдельные поручения. Мы передавали для партизан украденные у немцев медикаменты, снаряжение, обмундирование. Велась активная работа по организации нашего побега. Были подготовлены к побегу Гриша Уланов, Семён Кузнецов и я. Побег мы хотели совершить на машине, за рулём должен был сидеть Семён. Машина стояла рядом со складом. Выбрав момент, когда немцы отсутствовали, мы

стали погружать необходимые материалы, но неожиданно появился фельдфебель и заметил открытую в склад дверь. Он быстро закрыл входную дверь. Так мы оказались в ловушке. Спустя некоторое время по тревоге прибыли солдаты. Нас арестовали, посадили в машину и увезли в гестапо, где выбивали признания. Но мы молчали, делали вид, что нас заставили работать на складе и мы не знали, куда и что грузили. Через несколько дней нас в крытой машине повезли в неизвестном направлении. Думали мы, что больше света белого не увидим, мысленно попрощались друг с другом. Через несколько часов машина прибыла по назначению, нас высадили, и мы увидели многоэтажное здание, напичканное множеством лестниц, решёток и огромным количеством металлических дверей с замками. На каждом этаже располагались посты с охранниками — карабинерами. Нас бросили в одну из камер, где и без нас было очень много заключённых. Познакомившись, мы узнали, что это тюрьма в г.Тренто. В ней содержались разного рода преступники, среди которых были иностранцы. Каждый ждал своей участи и размеров наказания. Однажды к нам подошёл один из заключённых (итальянец) и завёл разговор. Мы сначала общались с ним очень осторожно (я мог уже немного разговаривать по-итальянски). Он признался нам, что его посадили в тюрьму за участие в Сопротивлении, рассказал о растущей ненависти к итало-немецкому фашизму, выражал свою радость за успехи советских войск на фронтах. Семён, он самый старший из нас, решил признаться, кто мы и откуда, а также о нашем неудачном побеге. Надо было видеть, как наш собеседник был рад нашей встрече! Наша дружба крепла, и мы стали доверять друг другу.

Наступил день, когда нас вывели из камеры во двор, где находилась «куча» заключённых, построили, посчитали и в присутствии какого-то представителя подписали бумаги.

Вскоре посадили в машину и повезли снова в неизвестность. Позднее выяснилось, что нас перебросили в городскую тюрьму г.Верона. За время пребывания в тюрьме мы подготовили убедительные доводы по поводу того, что вины своей мы не признаём, так как связи с партизанами не имели. А самое главное, теперь нам представилась возможность давать показания не немцам, а представителям итальянской власти. Это обстоятельство позволило убедить их в нашей непричастности к побегу. В ноябре 1944 года нас с группой других заключённых в порядке наказания отправили в провинцию г.Верона на сельскохозяйственные работы к «падроне» — фермеру. Его плантация раскинулась в пойме и на склонах гор. Хозяин построил большой барак для присланного контингента, установил распорядок дня, в ночное время после проверки нас запирали и охраняли. И вот тут свершилось нечто сказочное. В новом присланном отряде заключённых был наш друг Джузеппе, с которым мы познакомились в тюрьме. Наша цель освободиться была близкой, ибо у нас был надёжный товарищ — партизан Италии. Хорошо ориентировавшийся в данной местности, Джузеппе организовал наш побег. Так мы оказались в партизанском отряде под командованием Данте Досате в провинции Тренто. Нас зачислили в батальон Эпифано Гобби. В общем, мы получили возможность продолжить наш боевой путь вдали от Родины. В батальоне мы пользовались большим уважением, к нам относились как к родным братьям.

Особенно запомнился мне один из эпизодов партизанского боя с группой фашистов. Батальону было дано задание организовать засаду на проходящей узкой дороге. Там ожидалось передвижение вражеских войск. Подготовились к встрече с фашистами тщательно. Замаскировались так, что враг не ожидал нашего удара. Сначала появилось несколько мотоциклистов-разведчиков, проехав

наши позиции, они сигнализировали своим, что путь свободен. Вскоре мы увидели колонну примерно в двести солдат. Дождавшись момента появления их в нашей зоне обстрела, мы открыли огонь с двух сторон. Захваченные врасплох немцы попали под ураганный огонь партизан. «Кромсали их в мясо», поквитались от души. Через час всё было кончено. Собрали трофеи, командир объявил благодарность личному составу партизан. Вернувшись в горы на свою базу, мы отпраздновали успешную операцию.

Готовилось освобождение города Рива дель Гардо, где располагался тот самый немецкий госпиталь, откуда начался наш путь в итальянский партизанский отряд. Большого сопротивления со стороны немецких войск при взятии города мы не встретили, так как город был «под красным крестом». Радостно встретили партизан жители города. Весёлые встречи, объятия, слёзы и видневшееся скорое окончание войны придавали городу праздничное настроение. В наших сердцах был вопрос: неужели пришёл конец нашим мытарствам? Подошёл к нам Данте Досате и объявил, что войска немцев капитулировали. Мы победили! От души, крепко-крепко обнял нас и сказал: «Ну что будете делать? Оставайтесь у нас жить!». «Нет, Данте. Мы хотим на Родину. Там родные и близкие оплакивают нас. Считают, что мы погибли под Москвой. Спасибо вам — итальянскому народу за то, что вы поверили в нас и доверяли нам своё оружие. Мы непременно к вам приедем и будем вспоминать минувшие времена», — ответил я командиру на ломаном итальянском языке.

Был организован праздничный обед. Потом вручили нам партизанские документы и, получив денежное довольствие, мы отправились по указанному нам маршруту на Родину. Нам необходимо было пересечь всю Италию с севера — г.Верона до юга — г.Таранто. В городе Таран-

то находились наши корабли, с которыми можно было последовать в г.Одессу. По пути мы оказались в г.Бари, в зоне оккупации английских войск. Услышав наш русский говор, к нам подошёл офицер английских войск и на чистом русском спросил: «Ребята, вы русские? Откуда и куда двигаетесь?» Мы сначала пришли в недоумение: как это русский в английских войсках служит? Но он признался, что является сыном русского иммигранта и находится на воинской службе. Офицер предложил зайти в комендатуру для уточнения наших личностей, мы согласились. Приняли нас сначала с осторожностью, но, когда мы показали наши партизанские удостоверения, все сомнения ушли в сторону, нас пригласили к столу. Состоялась оживлённая беседа, произносили тост за Победу и окончание войны, пожелания счастливой жизни нашим народам. Нам рассказали, что существует договорённость у наших сторон (СССР, Англии и США) о том, что каждая из них будет содействовать возвращению домой всех насильно угнанных в неволю людей фашистскими извергами в период войны. Лагерь репатриации русских граждан был организован в г.Бари. Нам предоставили машину и доставили по месту его нахождения. Встретил нас русский майор — представитель советских войск по репатриации граждан из Италии в Советский Союз. Поблагодарив английских офицеров, он пригласил нас к себе в палатку-резиденцию. Лагерь располагался на берегу залива Адриатического моря. Были натянуты палатки, обустроены дорожки, спортивные площадки и т.д. Создавался вид, что это туристический лагерь. И только побеседовав с нашим майором, мы поняли, что здесь собирают всех тех, кто по разным причинам оказался на «чужбине». Отсюда их путь лежит на Родину. Надо сказать, что майор был проницательным, корректным и уважительным начальником. Ознакомившись с нашими документами, выслушав каждого

из нас, он сказал: «Такие ребята мне очень нужны! Будете мне помогать в работе. Отдыхайте. Завтра встретимся и всё обговорим».

Мне было поручено проведение политико-воспитательной работы: чтение газет, листовок и другой советской литературы. Контингент присутствующих в лагере был разный по национальности, по настрою, по отношению к войне и вкладу в общую победу. Необходимо было вести агитационную работу осторожно, дабы не обидеть кого-то. Красной нитью проходил девиз: «Война окончена. Нас ждёт Родина, близкие и родные!». Закончив формирование первой партии, мы отправили её в порт Таранто и погрузили на пароход, который взял курс на Одессу.

Вскоре майор получил депешу из Рима, в которой содержался приказ произвести отправку всего лагеря с юга на север, к границе с Австрией. Были выделены «Студебекеры», и на машинах репатриация лагеря была осуществлена за несколько дней. Распрощавшись с майором, мы влились в лагерь и на общих основаниях были переданы представителям военных на погранзаставе в Австрии. Колонну возвращавшихся на Родину взяли «под ружьё» и направили вдоль дороги в фильтрационный лагерь г. Леобен Доновиц. Здесь формировалась алфавитная очередность вызова на допрос. Подошла и моя очередь. Допрашивал меня лейтенант из «СМЕРШа». Стукнув по столу парабеллумом он сказал: «Ну, сука, где был?». «Осторожно, лейтенант! Мне всё равно. Лучше сразу пулю в лоб, я и так смертник. Дома уже, наверное, похоронили!» — ответил я. Я достал свой партизанский документ и отдал лейтенанту. Он, видимо, понимал итальянский язык. Прочитав, сказал: «Садись, закури...» Рассказал я ему свою историю от первого моего вступления в народное ополчение до последнего пребывания в итальянском Сопротивлении. Видимо, понял он, что я не изменник Родины.

В 1946 году я возвратился домой. Мать прижала меня к себе и, посмотрев на мои ноги (я успел из окружения в Смоленской области написать два письма, где сообщил об обморожении ног), сказала: «Витя, сыночек мой, я говорила не ходи на фронт! А ноги-то у тебя свои или протезы?». «Нет, дорогая, свои», — ответил я.

Узнал, что мой отец, который участвовал в строительстве заградительных сооружений в Москве, заболел и скончался в 1942 году. Брат, 1917 года рождения, пошёл служить на флот, участвовал в советско-финляндской и в Великой Отечественной войнах, был контужен, демобилизовавшись, сильно болел и умер в 1967 году.

Работать устроился грузчиком в «Мосгорпогрузе», затем поступил на подготовительные курсы и сдал экзамены в Московский автодорожный институт на вечернее отделение, которое закончил в 1958 году, получив специальность инженера-механика по эксплуатации автомобильного транспорта. Работал на 9-й автобазе Мосавтотранспорта.

Более 45 лет я отдал свои силы и знания строительству автомобильных дорог в Московской области, профсоюзу работников автотранспорта и дорожного хозяйства. Мой труд был отмечен присвоением мне звания «Почётный работник автотранспорта России».

В апреле 1985 года исполнилось 40 лет освобождения Италии от фашизма. В соответствии с договорённостью Советского комитета ветеранов войны и Итальянской ассоциацией партизан (АНПИ) с 21 по 28 апреля в Италии побывала наша делегация.

В октябре 1990 года по поручению Советского комитета ветеранов войны я был направлен на X национальный конгресс Ассоциации бывших политических заключённых концентрационных лагерей в Италию, г.Прато-Палаццо Коммунале.

Награждён

Орден Отечественной войны 2-й степени, №917014 Д№946259. Указ президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1958 года. Дата вручения 17 апреля 1958 год, Дзержинским РВК г. Москвы: «За отвагу, проявленную в боях с немецкими захватчиками или при совершении побега из плена в период Великой Отечественной войны».

Орден Отечественной войны 2-й степени, №1088497 А№925066 Указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. Выдан Волгоградским РВК г.Москвы: «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и во ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов».

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годах». Указ президиума Верховного Совета СССР. Вручена 14 ноября 1956 года Ленинским РВК г.Москвы.

Медаль «За оборону Москвы». Указ президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. От имени президиума Верховного Совета СССР вручена 30 ноября 1961 года РВК г.Москвы Б№007560.

Медаль «Партизану Второй мировой войны в Европе». Постановлением бюро комитета войны от 4 апреля 1995 года партизан-интернационалист Ермолаев Виктор Андреевич награждён памятной медалью за активное участие в освобождении стран Европы от немецких оккупантов и в ознаменование 50-летия Победы над фашистской Германией». Вручил председатель Российского комитета ветеранов войны генерал армии, Герой Советского Союза В. А.Говоров.

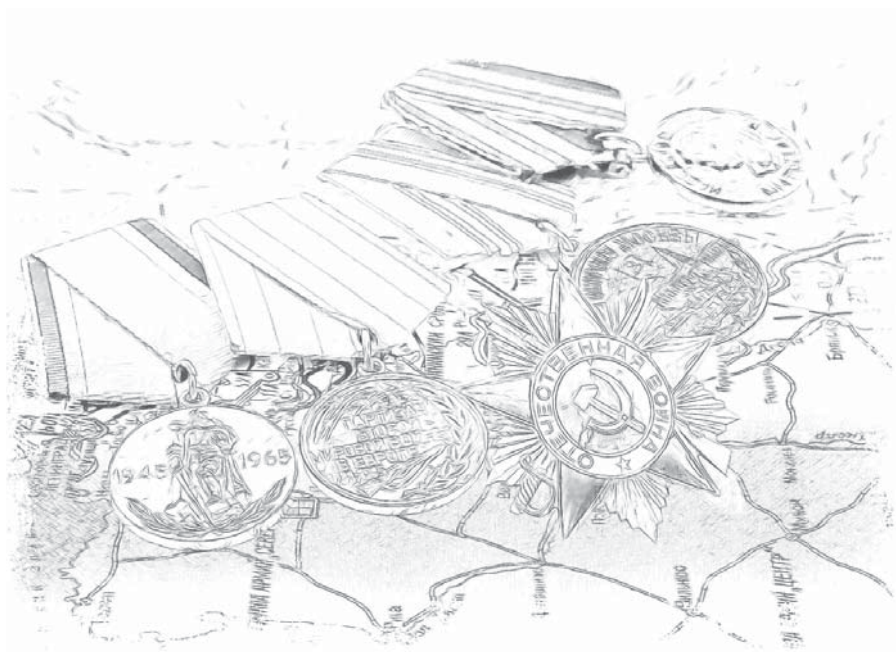
Юбилейные медали «Победы в Великой Отечественной 1941 — 1945 гг.» 20-30-40-50-лет.

Медаль «Жукова» — указ Президиума Российской Федерации от 19 февраля 1996 года, ГМ№0863769.

Почётный знак РКВВС — за активное участие в ветеранском движении. Вручил председатель РКВВС, генерал армии В.А.Говоров.

Декабрь 2003 года

*Использованы материалы Академии исторических наук.
Книга воспоминаний «От солдата до генерала». Т.7.*

Ярко Степан Иванович. Работал в Автоколонне № 1786 г.Химки с 1974г. по 2007г. в должности начальника штаба ГО и ЧС. Являлся председателем Химкинского Совета ветеранов ВОВ. Награждён многими правительственными наградами. Кавалер Креста заслуг Чехословакии.

Являлся Почётным гражданином городов Брно и Прага. Умер 5 октября 2013г.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ.

Весна 1945 года. Наши войска громили фашистские полчища на южном крыле советско-германского фронта. Каждый день сводки Совинформбюро приносили радостные вести. Советская армия, завершив освобождение Венгрии, вела бои на территории Чехословакии. На всех участках враг упорно сопротивлялся. Он разрушал дороги, взрывал мосты, создавал различные заграждения, превращал деревни и села в опорные пункты — делал всё, чтобы если и не задержать, то хотя бы замедлить продвижение советских войск. Колонны наших войск день и ночь двигались по горным дорогам Чехословакии. Севернее Братиславы они форсировали реку Мораву. Каждый день тяжёлые, изнурительные бои. По несколько раз развёртывались подразделения, наносили короткие удары по врагу, снова садились на машины и двигались вперед.

— Нам предстоит выбить противника из того села, — указал ротный в сторону населённого пункта. — Вы пойдёте в обход справа, — обратился он к лейтенанту Ярко, — и ударите во фланг. А ещё лучше, если сумеете зайти с тыла. Выдвигаться сейчас же.

Грохнули залпы орудий и миномётов. Начался огневой налёт. Лейтенант Ярko уже вёл свой взвод на врага. То короткими перебежками, то ускоренным шагом он двигался по заросшей кустарниками ложине. Командир торопил бойцов: надо было выйти и ударить по врагу точно в тот момент, когда артиллерия перенесёт огонь в глубину, иначе попадешь под разрывы своих разрядов. И всё же пришлось немного сбавить темп: кое-кто начал отставать, сказывались многодневные напряжённые бои, бессонные ночи. Командир сам чувствовал это, он то и дело смахивал ладонью со лба пот, который заливал глаза, и подбадривал подчинённых:

— Не отставать, ребята! Немного осталось.

Село оказалось слева. Уже можно было поворачивать и атаковать его. Ярko остановил взвод, развернул его в цепь, дал несколько минут передохнуть бойцам. Он понимал, что это необходимо. Иначе не будет того натиска в атаке, того единства действий, которое нужно, чтобы успешно вести бой, опрокинуть врага, смять его. Командир знал: трудно ходить в атаку, ещё труднее вести в атаку людей, даже если их и немного, всего взвод. И делал все, что мог, чтобы добиться нужного настроя людей.

— Вперед! — подал вскоре команду Ярko и сам первым поднялся с земли. Коротким броском взвод незаметно, садами и огородами, ворвался в деревню. Воздух резали автоматные и пулеметные очереди с той и другой стороны. Солдаты бежали по улице от дома к дому и короткими очередями разили фашистов. Вот два гитлеровца установили пулемёт в одном из переулков, простучала его длинная очередь. Командир приказал уничтожить пулемёт. Два бойца незаметно пробрались к нему через сад. Прогремели взрывы гранат. Огневая точка умолкла. В село ворвались подразделения, наступавшие с фронта.

Треск автоматной стрельбы, грохот взрывов снарядов и гранат все нарастал, а потом внезапно оборвался, стих. Бой кончился так же внезапно, как и начался. Противник отступал. Надо было спешить преследовать его. И, чем быстрее, тем лучше, чтобы не дать ему возможности закрепиться на новом рубеже.

К Степану Ярکو подошел командир роты:

— Потери есть?

— Двое убитых, один раненый, — ответил Ярکو.

В том бою его взвод уничтожил около 40 гитлеровцев.

После небольшой передышки, 23 апреля, части конно-механизированной группы, куда входил и 7-й механизированный корпус, как и другие войска фронта, возобновили наступление. Целью их действий теперь было освобождение Брно, а затем Праги, крупнейших административных и промышленных центров Чехословакии.

Короткие стычки с врагом вспыхивали почти за каждый населённый пункт. Они не прекращались ни днём, ни ночью. 25 апреля советские войска вышли к окраинам Брно и завязали здесь бои. Как и ранее, враг оказал упорное сопротивление. И когда стало ясно, что с ходу город не взять, командование решило произвести маневр.

— Та ночь и тот бой остались в памяти на всю жизнь, — рассказывал Степан Иванович. И не только потому, что я был ранен тогда. Противник цеплялся за каждый удобный рубеж, а их в горах искать не надо. Чувствовал, что теряет Брно, вот и сопротивлялся отчаянно. Мы всю ночь вели упорные бои, медленно продвигались южнее города. Шли по бездорожью. К рассвету предстояло перерезать шоссе, идущее из города на запад, не дать врагу вырваться на простор.

Мотострелки оказались на восточной окраине, бой был коротким. Позже на улице было обнаружено около трех десятков трупов вражеских солдат, два брошенных пулемёта. Продвинувшись еще метров на 50, наши бойцы обнаружили подготовленные окопы. Их, видимо, вырыли фашисты, чтобы здесь занять оборону в случае потери Брно.

— Здесь и занять оборону, — распорядился командир. Расставить пулемёты, противотанковые ружья, организовать наблюдение.

Наступало утро. Взошло солнце. Исчез туман, который окутывал окрестность в предрассветные часы. Вдали на фоне синеющего неба показались черные трубы. Это были заводы Брно.

Но затишье оказалось недолгим. Примерно через час по позициям роты противник открыл бешеный минометный и артиллерийский огонь, одновременно началась его яростная атака. Короткими перебежками фашисты приближались к окопам роты. Гитлеровцы хотели любой ценой уничтожить заслон советских войск. Всё меньше оставалось людей. Теперь их было не больше взвода. Но люди держались. В эти трудные минуты не покидали окопы даже тяжелораненные. Рядом с ними был их командир с пробитой грудью. Телефонист то и дело передавал ему трубку, и тот слышал от комбата одни и те же слова:

— Держись, Ярко! Ещё немного!

Сколько раз в тот день были повторены эти фразы! Степан и сам знал, что надо устоять, выдержать; другого он и не мыслил. А вскоре пришла помощь. Впереди роты взметнулись редкие взрывы, потом они участились и, наконец, слились в один гул. Уже не было видно вражеских солдат. Атака была отражена, фашисты откатились назад. До конца дня они еще дважды пытались выбить наших

воинов с занимаемой позиции, но рота Степана Яркого стояла насмерть. Командир старался не думать о боли, которая то утихала, то давила грудь с новой силой. Во второй половине дня Степану Ивановичу стало хуже, поднялась температура. Он временами терял сознание. Но бой был выигран. Подошедшие подразделения сменили поредевшую роту. Только после этого Степана Яркого эвакуировали в госпиталь.

На следующий день советские войска полностью освободили Брно. Противник оставил в городе большое количество техники и вооружения. Была в этом заслуга и мотострелковой роты, которой командовал лейтенант Яркий Степан Иванович. За мужество и отвагу, умелое руководство подразделением в этом бою его наградили орденом Красного Знамени.

«НО ДУШЕВНУЮ СВЕЖЕСТЬ НЕ УТРАТИЛИ»

Статья об Александре Дмитриевиче Новикове — отце жены Ю.В. Смекалина.

Умер 25 октября 1987 г.

(Статья опубликована в газете «Ржевская Правда»)

Когда началась война, я проживал в Валдае. Мне было 17 лет. Хорошо помню первые тревожные военные дни. Все взрослые мужчины ушли на защиту Родины. В конце июля немецкая авиация начала бомбить город. Мы, комсомольцы, осаждали горком комсомола, военкомат с просьбой, требованием зачислить в армию. Нам отказывали.

Едва исполнилось 18 лет, и я уже в рядах Красной Армии. После короткого обучения в январе 1942 года был направлен в действующую 3-ю ударную армию, 117-ю стрелковую дивизию, которая находилась в то время под городом Холм на реке Ловать. Был зачислен в разведку. Наша дивизия вела непрерывные бои. Враг нёс большие потери, стараясь удержать каждый населенный пункт, каждую высоту. Я вместе с другими разведчиками все время находился на передовой. Часто выходил с группой за «языком». В одной из операций был ранен в ногу. В тыловой госпиталь ехать отказался. После месячного лечения в санбате вернулся в свое подразделение и сразу — на боевое задание. Был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

В декабре 1942 года вступил в члены КПСС.

В июле 1943 года часть была переброшена в Витебское направление. 5 августа наша пополненная дивизия начала

наступление. Трое суток шли непрерывные тяжёлые бои. Разведчики занимались своей работой, добывая ценные сведения о противнике. Был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Наша часть продвигалась по направлению к Витебску. В одном из боёв, это была разведка боем за железнодорожную станцию Езерище, меня тяжело ранило в голову. Полная потеря зрения. Военную службу я закончил старшим сержантом в должности командира взвода.

В 1944 году из госпиталя вышел инвалидом I группы. В 1947 году моей верной подругой жизни стала одноклассница Александра Алексеевна. В мире и согласии прожили все эти годы. Вырастили троих детей. Мы с женой продолжаем работать. Нам присвоены звания «Ветеран труда». Я проработал во Всероссийском обществе слепых около 20 лет, из них 14 лет — председателем Ржевского отделения общества слепых. За хорошую работу неоднократно награждался Почетными грамотами, значком «Отличник ВОС». Наша организация в течение последних десяти лет удерживает переходящий красный вымпел.

*В наших буднях горячих —
Свет победной весны.
Мы из тех, из незрячих,
Ветеранов войны,*

*С кем особо жестоко
Поступила война.
В ком задолго до срока
Залегла седина.*

*Но душевную свежесть
Не утратили, нет.
Мы все те же, все те же,
Сколько б ни было лет...*

А. Новиков

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

*(Статья опубликована в газете «Ржевская Правда»
21 февраля 1981 г.)*

— «Война возвращается к нам в снах. Мне снится часто одно и то же. Это случилось в полуразрушенной деревеньке, которую мы уже несколько раз занимали и вновь сдавали врагу. Немец был с одной стороны дома, я — с другой. И всё происходящее напоминало детскую игру в прятки с той лишь разницей, что убить один другого мы должны были всерьёз. Несколько раз, прячась за угол дома, я попадал под прицел его автомата, но мне везло: пули проносились рядом, не задевая меня. Потом я его убил...»

Александр Дмитриевичу Новикову часто снится тот небольшой эпизод его военной биографии, будто бы записанный на киноплёнку памяти. И просыпаясь среди ночи от выстрелов, отгремевших более 35 лет назад, он подолгу не может уснуть, вспоминая далёкие суровые и незабываемые дни Великой Отечественной.

Разные бои были в той жестокой войне: наступательные прорывы на многие километры с участием авиации, танков, артиллерии. От их исхода зависело то, как развернутся дальнейшие события на фронте. Они вошли в историю. Были и ежедневные напряженные и упорные бои «малых сил», цель которых состояла в том, чтобы постоянно держать противника на прицеле, изматывать, ослаблять и отвлекать его силы от основных направлений.

Но где бы то ни было, война всегда вела разговор на грани жизни и смерти, не делая различий между теми, кто шёл в атаку в составе полка, и теми, кто встречался с врагом один на один.

Александр Дмитриевичу Новикову не пришлось участвовать в больших, имеющих историческое значение боях и сражениях. Восемнадцатилетним добровольцем он начал войну в составе отдельного подвижного отряда Третьей Ударной Армии. Задача: способствовать успеху боевых операций отдельных частей, заходить с тыла и обезвреживать огневые точки противника. Отряд всегда действовал на прорыве или, как говорили на войне, «в особо острой обстановке». К тому же в обязанности бойцов отдельного подвижного входил захват в тылу врага «языков», доставка разведывательных данных.

...Тот колодец они заприметили давно. Находился он в низине между холмами, скрывающими его и от леса, и от деревни, где обосновались фашисты. Деревенька располагалась как раз на переднем крае вражеской обороны, и отряд часто совершал туда вылазки и завязывал бои, не давая немцам покоя. Колодцем заинтересовались потому, что сюда приходили за водой немецкие солдаты в одиночку. И хотя рядом была огневая точка, брать «языка» решили именно здесь. Продумали все детали операции и даже «люльку» приготовили, чтобы везти в ней связанного пленного. Два дня в февральские морозы пролежали в снегу, ожидая удобного момента. И он наступил: к колодцу подошел офицер, а часовой в это время зашел в блиндаж погреться. Успех операции решали минуты...

Александр и его друг, костромичанин Коля Корнев подскочили к офицеру и мгновенно скрутили его. Новиков потащил упирающегося «языка» за холм, а Корнев остался его прикрывать. Через минуту явился часовой и поднял тревогу. Сбежавшиеся немцы, как и наши разведчики, были в маскировочных халатах, и в суматохе приняли Корнева за своего. Он же не растерялся и, пропустив фашистов вперед, дал им в спину очередь из автомата, за-

бросал блиндаж гранатами и вскоре живой и невредимый догнал товарищей.

«Язык», доставленный в штаб, дал ценные сведения о местах прохождения скрытой обороны, о расположении и продвижении немецких частей. За эту операцию А.Д. Новиков был награжден медалью «За боевые заслуги».

Вместе с другими разведчиками всё время находился на выполнении боевого задания. Был награждён медалью «За Отвагу» и орденом «Отечественной войны 2-й степени».

После этого было еще много походов в тыл, удачных и неудачных, были бои, ранения, смерти друзей. И он понял: на войне можно привыкнуть ко всему — к недоеданию, к усталости, холоду, смерти и необходимости убивать. Лишь к одному человек не может привыкнуть на войне — к мысли, что враг топчет родную землю, издевается над невинными людьми, вершит расправу над всем, что тебе дорого, что свято для тебя.

Потрясали рассказы жителей из тех деревень, куда они ходили в разведку, письма из родной деревни в Оленинском районе о голоде и зверствах захватчиков. Из всего этого рождалась ненависть к врагу, которая давала силы жить, воевать.

— «Мы боялись погибнуть, потому что чувствовали, что сделали еще мало для победы. Нужно было как можно дольше оставаться живыми, чтобы расплатиться»...

С фотографий 38-летней давности смотрят солдаты Великой Отечественной, так похожие на сегодняшних старшеклассников. Они победили фашизм. И не победить они не могли.

— «Наверное, это характерная черта нашего народа: мы знали с самого начала, что нас нельзя победить, сде-

лать послушной рабочей силой, что мы живыми не сдадимся. Как выиграем эту войну — мы не представляли, а то, что не смогут они над нами взять верх, — это точно знали. Но кто тогда мог представить, что такая страшная война будет идти целых четыре года и столько унесет человеческих жизней...»

Александр Дмитриевич остался жить. Но война преподнесла ему свой последний «подарок». На всю жизнь...

Случилось это уже на белорусской земле в боях за станцию Езерище. Был приказ занять местечко и удержать его как можно дольше. 1 ноября 1943 года взвод, которым командовал Новиков, прорвался в глубину обороны противника. Немцы подослали подкрепление. Взвод держался героически: отступить — значит нарушить приказ. Да и некуда было отступать — повсюду огонь. Вот уже видны лица врагов, слышатся их выкрики. Начался ближний бой гранатами, одна из которых разорвалась в метре от девятнадцатилетнего бойца. Огненная вспышка и раненный им фашист был последним, что видел Александр Дмитриевич на войне. Потом наступила темнота...

Он не сразу понял, что ослеп. Очнулся, услышал, что бой продолжается, перезарядил автомат, но подняться не смог. Потом, когда ясно представил свое положение, надел на палец кольцо от гранаты, чтобы успеть взорвать себя и немцев, которые могли оказаться неподалеку. Но повезло и на этот раз. Пришли свои...

Везучим оказался Александр Дмитриевич. Выжил всем смертям назло. Из 15 осколков 7 удалось извлечь, остальные так и остались в теле на память о войне. Послевоенную жизнь свою начал ладно и красиво. Поблажек не требовал, работал и продолжает работать до сих пор, хотя уже на пенсии. Сейчас он председатель бюро Ржевской первичной организации Всероссийского общества слепых.

Дел и забот много, мысли постоянно заняты судьбами других людей. И главное его стремление — помочь человеку, потерявшему зрение, ощутить причастность к общему делу, сохранить себя, как личность.

Повезло Александру Дмитриевичу и с женой. Его Александра Алексеевна теплее солнышка согреет, им хватает её глаз на двоих.

Вот идут они по улице и тихо беседуют:

— День сегодня чудесный — говорит, улыбаясь, женщина.

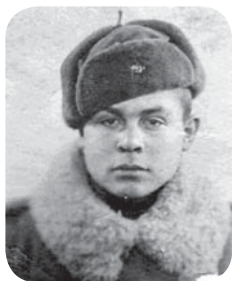
— А солнце есть?

— Есть. И снег искрится.

— Да. Очень красивый день...

Р.Дубнова

БОЕВОЙ ПУТЬ. ОТ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА.

Воспоминания **Владимира Ефимовича Фрумсона** (12.07.1925 — 01.06.2010), отца председателя профкома аппарата ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» Балашовой А.В.

(в записи внука Балашова Дмитрия).

Я родился 12 июля 1925 года в Москве, в Лефортово, но всё детство прожил на Большом Козловском переулке.

Отец Фрумсон Ефим Борисович (1889 — 1968) родом с Велижского уезда Витебской губернии. Семья отца проживала в городе Велиж, треть жителей которого состояла из евреев-переселенцев, обосновавшихся на этих землях еще в XVI веке во время вхождения в Речь Посполитую, все они были выходцами из Германии и Польши. Занимались евреи ремеслами, промыслами, многие были посредниками между городом и деревней, управляющими имений, торговцами. Держались евреи обособленно, управлялись общинными традициями. Семья отца была многодетной, как и многие другие еврейские семьи. У отца было еще 9 братьев. До революции отец работал цирюльником, скорее всего это было семейное дело. В 1910 году отец был призван в царскую армию, 98-й Юрьевский полк, где прослужил с 1910 по 1914 год. Отец с юности был активным сторонником марксистских идей и даже участвовал в революционных событиях 1905-1907 годов. Октябрьскую революцию 1917 года принял безоговорочно. В 1918 году участвовал в подавлении белогвардейского мятежа в Велиже. Во время гражданской войны исполнял должность агитатора Волчанского военкомата УССР, потом военкома военгоспиталя 9 Армии 36 стрелковой дивизии Южного

фронта. После окончания гражданской войны работал начальником 20-го и 30-го отделений милиции в Москве. Отец также успел поработать на стройках Москвы, Тулы, участвовал в строительстве главного здания НКВД на Лубянке. С конца 30-х годов состоял на хозяйственной работе в органах НКВД-МВД.

Мать Клавдия Терентьевна (в девичестве Озерецкая) была домохозяйкой, родилась в Москве в 1900 году в польской католической семье. Мои родители познакомились в Москве на каком-то светском мероприятии, это было уже после революции.

В 1932 году родился мой младший брат Владилен.

В 1933 году отца направили работать начальником дома отдыха для сотрудников НКВД. Дом отдыха находился около деревни Лунево Солнечногорского района Московской области. Мы жили при Доме отдыха, там же я ходил в сельскую школу, все мои детские годы до войны прошли в этих местах.

Когда началась война отца направили в город Коломну, где он выполнял административную работу при спецшколе НКВД, готовившей диверсионные группы для выполнения заданий в тылу противника. Маму и меня с братом в октябре 1941 года отправили в эвакуацию в город Новосибирск. Как только немца отогнали от Москвы, мы вернулись к отцу в Коломну.

Как попал в армию?

В январе 1943 года я с моими одноклассниками подали заявления в военкомат с просьбой отправить на фронт. Нашу просьбу удовлетворили. Отец предлагал пристроить меня поближе к дому, но я наотрез отказался!

Из Коломны через Орехово-Зуевский район нас отправили поездом в Загорск (ныне Сергиев Посад), где на территории Троице-Сергиевой Лавры располагался сбор-

ный пункт призывников. Расположили нас в клубе, где пришлось провести несколько ночей.

Ребят набралось много. Спали где попало: на полу, на стульях. Потом появились армейские представители и нас распределили по командам. Мы узнали, что наша команда направляется на Ленинградский фронт.

Причем, помимо пайка, в дорогу выдали мешок дров.

Путь до Ленинграда длился 10 дней, это были последние мирные дни, а для кого-то последние мирные дни в своей жизни. На тот момент, в январе 1943 года войсками Ленинградского и Волховского фронтов частично была прорвана блокада. Образовался коридор шириной 8-12 километров, соединяющий Ленинград с Большой землей. До этого только ледовая дорога через Ладожское озеро («Дорога жизни») давала возможность снабжать город насколько это было возможно. Прорыв блокады на тот момент воспринимался, как большая победа. Стало, конечно, полетче, но этого было недостаточно.

Добирались в город с пересадками, по окольным дорогам, так как все железные дороги находились под ударами германских войск. На последнем этапе пути по «Дороге жизни» мы в числе прочих новобранцев и прибыли в Ленинград.

Всю прибывшую команду зачислили в ряды Ленинградской армии ПВО. Так, я стал артиллеристом. После распределения по полкам, нам предстоял путь на боевые позиции своих подразделений.

Первые впечатления на войне?

Любопытства и страха было примерно одинаково. Ленинград многие из нас видели в первый раз. И вот шагаем по городу и с интересом разглядываем его. Достигли уже окраин, но движение походным маршем продолжается

далее. Оказалось, что мы направляемся в сторону города Пушкин.

Переход совершался ночью и приближение линии фронта сразу дало о себе знать. В небе непрерывно взлетали осветительные ракеты, а над головами свистели пули, оставляющие трассирующий след. Все это произвело достаточно тягостное впечатление и надолго осталось в памяти. Старшина, сопровождавший нас, успокоил, что немцы бьют не конкретно по нам, а просто в сторону противника, не прицельно. Фашисты не жалели боеприпасов и вели такие обстрелы каждый день.

Было ли страшно?

Да, было очень страшно, но, глядя на старшину, который не обращал никакого внимания на происходящее вокруг, становилось немного легче. Прошагав около двух часов, мы достигли какой-то деревни, где и расположились на ночлег с приказом не разводить костров, не курить, не шататься по деревне. После раздачи сухарей было приказано спать.

Так начались мои боевые будни в 192-ом зенитном артиллерийском полку Ленинградской армии ПВО в составе расчёта 85-мм зенитного орудия. Наш полк выполнял задачи прикрытия от ударов с воздуха Ленинграда, путей сообщения, в том числе «Дороги жизни».

Линия фронта проходила через Пулковские высоты. Этот участок фронта имел особое стратегическое значение при обороне Ленинграда.

Наш 192-й зенитный артиллерийский полк принимал активное участие в битве за Ленинград 1941-1944гг., прикрывая войска Ленинградского фронта при проведении операции по прорыву блокады Ленинграда и в Выборгской операции 1944г.

Как приходилось овладевать военной наукой? Ведь пришлось со школьной скамьи без подготовки сразу вступить в бой?

Обучение боевой науке происходило непосредственно в боевых условиях, времени и возможности для длительного освоения вооружения не было. Боевое крещение я принял уже в январе 1943г. в районе Пулковских высот, а военную присягу принял 23 февраля 1943 года.

Расчет 85-мм зенитки насчитывал 7 человек. Для ведения эффективного огня требовалась четкая и слаженная работа всего расчета. В отсутствие налетов противника мы отрабатывали действия каждого орудийного номера до автоматизма, чтобы боевая скорострельность орудия — 20 выстрелов в минуту была не только на бумаге. Причем учебные тренировки включали в себя и вводные по противотанковой обороне.

Нашему 85-мм зенитному орудию отводилась задача борьбы с самолетами противника, поэтому основная угроза расчету исходила от авиации противника. Но и артобстрел противника наносил серьезный урон, так как координаты наших позиций были известны немцам. Поэтому после отражения авиа налета расчету нередко приходилось получать ответный огонь артиллерии противника, во время которого единственным укрытием был блиндаж. Особенность зенитчиков такова, что если все роды наземных войск во время воздушных налетов активно используют различные укрытия, то расчет зенитки должен был находиться у орудия, чтобы вести заградительный огонь.

Какова была эффективность такого заградительного огня?

За один воздушный налет мы успевали отстрелять до нескольких сотен снарядов, а статистика поражений са-

молотов от зенитного огня составляла 600-700 выстрелов на один самолет. К началу 1944 года на счету нашего расчета было 5 сбитых немецких самолетов.

Какой участок фронта обороняло ваше подразделение?

Основной задачей зенитчиков была защита промышленных и гражданских объектов. Так, одной из главных задач стоявших перед 192-м полком была воздушная оборона ГЭС-5. В самые тяжелые дни блокады эта ГЭС была единственной дающей электричество городу. С каждым месяцем все прочнее становился воздушный щит над Ленинградом. Вражеская авиация уже не могла безнаказанно пробиться к городу, тогда гитлеровцы стали бросать крупные силы авиации на ГЭС-5 и базы, через которые шло снабжение фронта. На нас возложили задачу — надежно прикрыть эти важные объекты.

Боевые потери в расчете были?

Был один случай. В ночное время около каждого орудия всегда нес службу часовой. И вот какой-то шальной осколок угодил пареньку-часовому прямо в шею, он погиб. Всего-то какой-то маленький осколочек. Это была единственная безвозвратная потеря в нашем расчете за год боев.

Сам я 16 декабря 1943 года при налете на наши позиции был контужен от разрыва немецкой бомбы, в тот день, как потом я узнал наш полк серьезно потрепали немцы. Смутно помню его. Как потом оказалось во время вражеского налёта тяжело ранило командира орудия сержанта Федорова из четвертой батареи. Командование на себя взял наводчик ефрейтор Григорий Русов. Орудие продолжало стрельбу. Вскоре наши ребята подавили минометную батарею врага. Затем они перенесли огонь по

скоплению пехоты. В это время вблизи орудия разорвался снаряд, и Русова ранило осколком. Превозмогая боль, он продолжал наводить орудие и командовать стрельбой расчета. Григорий оставался на своем посту до вечера. За мужество и самоотверженность его потом наградили орденом Славы 3 степени.

Наши позиции, хотя они и находились в удалении от наступавшей пехоты, зачастую подвергались жесточайшему артиллерийскому и минометному обстрелу. Пробыв около месяца в санбате я вернулся на передовую для участия в операции по полному прорыву блокады Ленинграда.

Что больше всего запомнилось на войне?

Был один эпизод в Гатчине. После изгнания немецких войск с территории Ленинградской области, мы занимали оставленные позиции немецких войск. Нас потрясло увиденное в городе: в бывших конюшнях немцами был организован концентрационный лагерь, где содержались военнопленные и гражданские лица. Обреченные на смерть люди оставляли надписи и послания на стенах. Недалеко от конюшен были захоронения узников этого концлагеря. Тяжело вспоминать.

Нельзя было привыкнуть к полям, которые были усыпаны телами наших погибших бойцов.

Во время выполнения боевых задач нам часто помогали девушки-бойцы, работавшие прибористами, поварами. При ответном огне немецкой артиллерии один снаряд угодил рядом с нашей позицией, погибли две наши девушки, которые убирали стрелянные гильзы от снарядов.

Сколько таких эпизодов еще было? Всех не вспомнить.

Из курьезов что-то запомнилось?

Был у нас старшина, так вот он просил нас, когда мы шли в наступление, на освобождаемых территориях ло-

вить кошек. Оказалось, что он периодически ездил в Ленинград, а там катастрофически не хватало кошек, всех поели жители. Естественно, в такой обстановке случился разгул грызунов, поэтому мы с пониманием отнеслись к просьбе старшины и каждую деревню, через которую проходили «зачищали» от кошек.

На войне всякое бывало. Недалеко от нашего блиндажа была большая воронка, которая была заполнена водой. Мы постоянно брали из нее воду для различных нужд, а когда наступило лето и воронка высохла, на ее дне лежало тело погибшего бойца. Вот так вот!

Как вас кормили?

Пожаловаться не могу, кормили хорошо, мы получали американские консервы, тушенку. Помню и «фронтовые» 100 грамм, их нам выдавал наш старшина, но сказать, чтобы я употреблял их не могу, также как и табак. Не было у меня привычки такой, поэтому я их менял на более необходимые продукты. Единственное что, из-за нехватки витаминов зимой многие из нас страдали куриной слепотой, поэтому нам давали еловые отвары, для восстановления зрения, а также рыбий жир.

Где закончил свой боевой путь?

Боевой путь закончил в Эстонии.

В Советской Армии служил до 1950 года, уволен в запас в звании старшины.

Какими наградами ты был награжден?

Награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За Победу над Германией».

Голубков Владимир Николаевич — отец инженера по охране труда Павлово-Посадского ПАТП Голубковой Вероники Владимировны.

Родился в г.Москве 28 мая 1910 года, в многодетной семье. Семья состояла из 10 человек, из них 8 детей. Семья проживала в доме Бергов в нулевом этаже (в настоящее время в этом доме расположено Американское посольство). Отец был почтовый работник. После революции по стечению обстоятельств семья была вынуждена переехать в г.Павлово-Посад.

С 1927 по 1939 года состоял в рядах ВЛКСМ. Партийный стаж с августа 1942 года. Образование высшее. С 1935 по 1939 годы учился на курсах фотокорреспондента. В 1941 году окончил Педагогический институт физико-математический факультет, по специальности учитель.

В рядах Советской Армии с 25 июня 1941 года по 14 февраля 1948 года. Высшая должность — начальник отдела иллюстраций. В период Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом газеты «Советский боец» 5-й ударной армии. Много фотоснимков сделано им за эти годы. В день, когда над Рейхстагом взвилось алое знамя, вернее на другое утро, В.Н. Голубковым был сделан подлинно исторический снимок: изрешеченный пулемётными очередями и орудийными залпами купол Рейхстага, увенчанный флагом освободителей. Велик послужной список политработника В. Голубкова. Он командовал батареей, водил в атаку роту, возглавлял саперный батальон.

Перед войной В.Н. Голубков закончил киноинститут. Печатался в газетах «Правда», «Известия», «Легкая индустрия», «Смена», «Пионерская правда».

В годы войны, после окончания военно-политического училища, Голубков — в политотделе 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской орденов Красного Знамени и Александра Суворова стрелковой дивизии. Работников политотделов посылали туда, где труднее.

Прошёл большой боевой путь от Москвы до Берлина. Участник освобождения многих селений и городов: РСФСР, Украины, Молдавии, Польши. Почти всю войну был в составе 89 гвардейской Белгородско-Харьковской орденов Красного Знамени и Александра Суворова стрелковой дивизии. За время войны шесть раз ранен, из них имел два тяжёлых ранения.

Под Гжатском ранило впервые. Потом ему в двух местах перебило ногу. Осколком полоснуло на Украине. Под Альтлансбергом, на пути к Берлину попал под обстрел мессершмитов, и снова в госпиталь.

Всегда с ним «ФЭД». В войну у него было разбито три фотоаппарата: осколками, пулями.

Участник штурма Рейхстага, Имперской канцелярии.

Голубкову В.Н. посчастливилось снимать вступление советских войск в Кишинёв, штурм Рейхстага, Потсдамскую конференцию и Нюрнбергский процесс, парад победы в Берлине. Он был первым из офицеров, вошедших в имперскую Канцелярию Гитлера.

Награжден орденами Отечественной войны 1, 2 степени и медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», Польской медалью «За Одер, Ниццу, Балтику».

Участник парадов Победы в Берлине и Москве в 1945 году. Закончил службу в Советской Армии в 1948 году в звании гвардии капитана.

После войны четверть века работал учителем черчения и рисования средней школы №1. С большой активностью жил и работал в послевоенные годы. Он принимал активное участие в военно-оборонной работе, поддерживал тесную связь с войсковыми частями, где служил долгое время.

Был внештатным корреспондентом городской и районной газеты от «Ударника» до «Знамя Ленина» почти пол-века. Много материалов и фотографий опубликовано в различных газетах и журналах.

Владимир Николаевич Голубков тяжело болел. Конечно, это — следствия тяжелых военных лет, ранений, полученных в боях. Он был подлинным энтузиастом печати, отдавшим ей много сил, принёсшим ей всю свою жизнь.

После тяжелой и продолжительной болезни Владимир Николаевич скончался 12 августа 1986 года.

Патенко Иван Алексеевич

25.05.1926 года рождения

Родился в Запорожской области. Оттуда в 1943 году был мобилизован сразу на фронт (без прохождения курса молодого бойца), вручили противотанковое ружьё и отправили в Сталинград.

После Сталинградского сражения солдаты 1926-1927 гг. рождения по приказу Сталина И.В. были отозваны для прохождения курса молодого бойца и дальнейшей службы. После — бои под Орлом, Курском, Белгородом.

Завершал свою службу в авиации.

Демобилизован в 1950 г. В 1954-1956 гг. занимался созданием Балашихинского автопредприятия, на котором и проработал на разных должностях вплоть до 2000 г., постоянно возглавляя профсоюзную организацию.

Дроботов Фёдор Никитович — работал в Волоколамском ПАТП филиале ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» водителем автобуса.

Ушёл из жизни в 2012 году.

Участник Великой Отечественной войны, который среди многочисленных высоких наград за заслуги перед Отечеством, имел два ордена славы — 1 и 2 степени и орден Отечественной войны 1 степени. К столь серьезным наградам и каким-то почестям, будучи на передовой, Фёдор Никитович, конечно же, не стремился. Он просто защищал Родину с решительностью, присущей её мужественному и отважному сыну. Детство Фёдора Дроботова, которое пришлось на 20-30 годы прошлого столетия, ничем особым не отличалось от прекрасной поры его сверстников. Он, как и все, ходил в школу и помогал матери в поле. С раннего детства он мечтал стать трактористом.

«Однажды мы с моим другом прочитали в местной газете объявление о наборе ребят на курсы трактористов, — вспоминает Фёдор Никитович, — и мы, ни минуты не раздумывая, довольные, отправились навстречу своей судьбе».

И уже через три месяца Фёдор получил справку об отличном окончании курсов трактористов. Но не долго пришлось трудиться молодому трактористу — 22 июня 1941г. началась Великая Отечественная война.

В марте 43-го Фёдора призвали на 2-ой Белорусский фронт.

«Нас направили в город Ковель, в полусотне километрах от Курска, чтобы освободить его от фашистов» — рассказывает ветеран. «Наш взвод занял центральную позицию, наиболее опасную, и мы пошли в наступление. Бой был горячий, продолжительный, кровавый. Оборону города мы тогда не прорвали и решили отступить. Самым горьким было то, что из сорока шести человек в живых осталось всего двое. На весь взвод. И вот тогда мы в полной мере осознали, что наши ребята погибли, что они отдали свои жизни за Родину. Даже есть не хотелось, хоть и были голодны...» Тогда Федор получил первое ранение в ногу.

Жизнь молодого бойца не раз висела на волоске. Одно из тяжелейших ранений, после которого Федор Никитович долго лечился в госпитале, получил от осколка. Тот прошел насквозь через левую руку и остановился в левом боку, в двух сантиметрах от сердца! Но, будучи раненым, потеряв много крови, бесстрашный разведчик не ушёл с поля боя. Он продолжил сражение, в результате которого был уничтожен целый немецко-фашистский полк.

«В 1950 году вся моя семья переехала в Волоколамский край» — говорил Фёдор Никитович. «Труд механизатора мне нравился. К тому же я был очень рад тёплому отношению в коллективе». Потом был непродолжительный опыт работы в должности старшего механика в совхозе — техникуме «Холмогорка», затем пассажирское автотранспортное предприятие, которому Фёдор Дроботов посвятил большую часть своей трудовой деятельности. Тридцать лет он проработал водителем на пассажирском автобусе. С этого же предприятия ушёл на заслуженный отдых.

Чернавская Зинаида Николаевна — родная тётя начальника автостанции «Лотошино» Волоколамского ПАТП Филиала ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» Белоконовой Екатерины Геннадьевны.

Умерла 11 декабря 2014 года.

Зинаида Николаевна Чернавская несла свою вахту во фронтовом госпитале, куда была направлена в 1943 году после окончания Томского медицинского института, являясь специалистом в области нейрохирургии. Иначе говоря, все бойцы, у которых были повреждены голова или позвоночник, становились ее пациентами. Вот уж где ей довелось наглядеться страданий человеческих, стараясь в меру сил и возможностей облегчить участь раненых. Особенно тяжело было видеть умирающих людей в самом расцвете сил и лет, которым врачи были не в состоянии помочь. Не передать словами всё увиденное и прочувствованное...

Вплоть до декабря 1945 года трудилась Зинаида Николаевна в госпитале. Войну закончила в звании старшего лейтенанта медицинской службы.

Награждена орденами: Орден «Красной звезды», орден «Отечественной войны II степени» и медалями.

Руководство госпиталя предлагало ей остаться, но она решила вернуться в Сибирь. Целых 5 лет отработала на Севере. Потом 17 лет трудилась на Северном Кавказе. После которого, снова вернулась в сибирские края. А с февраля 1996 года стала жительницей Лотошинского района.

Сергей Григорьевич Сироткин —

дальний родственник водителя
Обкома профсоюза Григорьева В.О.

Умер 8 мая 2013 года.

Сергей Григорьевич Сироткин родился 9 мая 1925 года в деревне Нефедово, ныне Красногорского района Московской области.

Сергей Григорьевич принадлежит к тому поколению, юность которого была опалена войной. Сразу после школы, Сергея Григорьевича направили в Рязанское училище для обучения в качестве пулемётчика. А через год его перевели в Раменское десантное училище, успешно им законченное.

В 1944 году он был направлен в действующую армию в качестве десантника-пулемётчика. Он стал заместителем командира отделения, а по званию — гвардии младшим сержантом. В том же году Сироткин участвовал в бою за деревню Пустошь. Бой был очень тяжёлым — чтобы успешно выполнить задачу, пришлось подавить две огневые точки противника. За этот подвиг он был награждён самой высокой солдатской наградой — медалью «За отвагу». Несмотря на то, что на фронт Сергей Григорьевич попал уже в конце войны, и участвовал в боях меньше года, он был неоднократно ранен и контужен, но каждый раз возвращался на фронт, на передовую.

С боями в составе 100-й гвардейской стрелковой дивизии С.Г. Сироткин воевал на Карельском фронте, форсировал реку Свирь. Воевал на территории Венгрии, Чехословакии, Австрии, позже служил на территории Ру-

мынии, где и был оставлен служить в армии до 1950 года. Демобилизован был только в 1950 году.

После возвращения домой обнаружил, что его дом был полностью разрушен. Уехал в Москву, где устроился на работу на военный завод в Тушино. С 1993 года — инвалид Великой Отечественной войны I группы (по зрению). Имеет звание «Почетный донор СССР».

Кольшев Тимофей Максимович — отец председателя цехового комитета территориального отделения «Воскресенский автодор» ГБУ МО «Мосавтодор» Севрюковой (Кольшевой) Любо-ви Тимофеевны.

Кольшев Тимофей Максимович 22.02.1914г.р.; Московская область, Виноградовский район (в настоящее время Воскресенский район), деревня Цибино, улица Трудовая, дом 5. Образование 4 класса. До призыва в Р.К.К.А. в 1937 году работал на Казанском вокзале в должности проводника, после службы в армии с 1939 по 1941 год вернулся на прежнее место работы проводником.

В феврале 1941 призван в Р.К.К.А. Виноградовским военкоматом Московской области. Распределён в 51-й отдельный моторизированный полк; мотобатальон 2 рота; в звании старшины. Участвовал в боях на Брянском фронте, 1-й Украинский фронт, по рассказам со слов отца, также участвовал в боях за освобождение г.Праги, г.Варшавы, дошел до Берлина.

Награжден: медаль «За Боевые Заслуги», орден «Славы 3 степени», орден «Славы 2 степени». Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 29.05.1945г.

После службы вернулся домой, работал на прежнем месте. В семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. В послевоенное время награждался многими юбилейными наградами. Умер 26.11.1984 года.

Сергей Сергеевич Никонов родился 10 июля 1925 года в деревне Муриково Шаховского района Московской области. С отличием окончил 8-летнюю школу. В годы войны работал на оборонном заводе г.Иваново токарем. В 1959 году закончил Егорьевскую культпросветшколу. Работал избачом, инспектором отдела культуры, затем токарем в Шаховском государственном автотранспортном предприятии. Сейчас находится на пенсии. Автор пяти сборников: «Россия, Русь, жива ли ты? Жива!», «О, женщины священный лик...», «Да простит меня Бог...», «Сиреневые сумерки» (книга прозы), «Избранные стихотворения». Проживает в деревне Жилые Горы Шаховского района Московской области.

ЦЕНА ПОБЕДЫ.

Помню я, как началась война. Захожу в избу, а мать мне говорит:

— Сынок, немцы перешли границу, что теперь будет?

Ну, думаю, теперь наши им дадут! Давно нарывались, теперь получают сполна!

А через несколько дней узнал, что они уже и Минск обошли, и к Смоленску направились! Это был настоящий шок. Как же так, ведь нам постоянно в школе твердили слова песни: «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом!» И я не знал ещё тогда, что только за первые месяцы войны немцы взяли в плен более трёх миллионов красноармейцев!

В конце лета наш восьмой класс Шаховской средней школы, вместе со всеми другими, погнали на уборку картофеля в село Воскресенское. И о том, как шли дела на фронте, мы фактически ничего не знали, — газеты и радио были тогда большой редкостью.

И вот однажды ночью слышим: рвутся бомбы! Оказывается, уже немцы бомбили станцию Бухолово, что расположена в семи километрах за Шаховской к востоку. Наутро нас всех отправили по домам. Подходим к Шаховской, а над ней с азартом пикирует немецкий «Мессершмидт». Как я очутился после этого в своей деревне — не помню.

И вот загремела канонада на западе, и на улицу деревни Пыщерово хлынула из леса колонна отступающих бойцов Красной Армии. Дед мой на них заругался:

— Что ж вы, сукины сыны, неприятеля к Москве допускаете?!

Из колонны пропылённых хмурых солдат раздалось:

— Чего, дед, ругаешься? Посмотри, что у нас в руках, а он сечёт и сечёт — головы не поднимешь!

А в руках у них — на троих одна винтовка да несколько пулемётов ручных...

И тут же появился с запада немецкий истребитель, развернулся и прошёл бреющим полётом над колонной. Но, к удивлению, даже ни разу не выстрелил, видно, весь боезапас уже давно израсходовал. Однако солдат напугал: все легли на землю, от первого до последнего.

— Ждите немца завтра! — на прощание сказали они.

И вот уже горит Шаховская, и я вижу въехавшего в неё на мотоцикле первого немца: карабин за спиной, горбоносый, в каске, рулит себе спокойно да по сторонам поглядывает — как домой приехал! За ним ещё трое на мотоциклах, затем — танкетка, бронетранспортёр — и пошло, поехало!

Народ их поначалу испугался, но видя, что проезжие никого не трогают, осмелел: полез по магазинам, складам и базам, брал всё, что на глаза попадёт: не врагу же

оставлять! Не зевал и я. Люди брали продукты, вещи, а я книжек почти полмешка набрал: Шолохова, Островского, Маяковского... С тем и домой заявился. Потом их мне пришлось от немцев прятать, в землю зарывать — бережёного-то Бог бережёт!

И вот немцы у нас в деревне. Приехали на двух подводах и сразу же — шашь по домам! Входят в избу, ничего не говоря, замки с сундуков сшибают, всё, что приглянулось, берут; и так дважды — трижды в день. Народ затаился, люди стали всё прятать.

Пришли к нам на постой шестеро солдат во главе с унтер-офицером. Машину-летучку ремонтную под окном поставили. На ночь деду велели сена на пол натаскать, застелили его одеялами, легли спать. Утром встанут, велят печь затопить, наберут картошки из подпола, нажарят, садятся завтракать. На столе кофе, бутерброды, консервы, конфеты, шоколад; в обед — суп-концентрат гороховый с мясом. Сидят пьют кофе, курят, смеются.

Постепенно они к нам привыкли. Был среди них средних лет австриец Вилли, пожилой, смуглый, с чёрными усами. Этот возьмёт, бывало, моего младшего братишку Толю, на колени себе посадит, достанет из мешка конфет, угощает и по головке гладит. А под конец унтер-офицер Ганс, родом из Саксонии, вообще в наш дом грабителей не стал допускать, покажет им на пальцах: «Драй киндер!», что означало: «Видите, у матери трое малышей на руках, да ещё без отца растут!» Но они, вероятно, считали, что враг есть враг, и что им приказывали, то они и делали.

Мы в ту пору даже на улицу боялись выходить, не то что из деревни. Выйдешь из дому — округа вся знакомая до мельчайших подробностей. И всё как чужое: лес, поле, небо — только и гляди, как бы на грубый окрик не нарваться. А то и на пулю — бывало и такое! Но время шло,

и вот уже загремела канонада на востоке. Зашевелились и немцы, стали народ на расчистку дорог от снега выгонять. Выгнали и нас. Дед прибил мне к палке фанерку, и погнали нас на западную окраину деревни, заставили снег разгребать. Но вскоре моя лопата сломалась. Стою, смотрю. Подходит солдат: «Рус, арбайт!» — приказывает. Показываю ему на сломанную лопату, «Ногами разгребай!» — приказывает. И тут подходит к нам другой немец, и наш охранник передаёт ему меня и ещё одного парня постарше — Акимова Василия. И нас повели к лесу. «Ну, — думаю, всё: теперь нас расстреляют за саботаж»... Но нас приводят к крайнему дому другой деревни — Теплухино — ведут во двор, дают салазки и заставляют нагружать их дровами из полениц. Везём мы их к лесу и видим: стоят на опушке миномёты, нацеленные на восток. Сваливаем возле них дрова и поворачиваем к деревне; снова нагружаем и на полпути встречаем две автомашины: одна туда, другая сюда. И разъехаться им негде: по обе стороны выше снежные валы. Мы остановились от них метров за сто в сторону деревни, и от нас до дома, где мы брали дрова, метров двести, охранник наш ушёл к машинам и скрылся на время за ними. И тут мне приходит в голову мысль. «Бежим! — сказал я напарнику, — ведь всё равно нас в живых не оставят, мы же всё видели!» — «Застрелят!» — засомневался он. «Ну, — думаю, — ты как хочешь, а я даю дёру!» Смотрю — и он за мной. Вбегаем во двор и через ворота — в огород, а там — в овраг и дальше. И как нас немец прозевал, до сих пор не пойму.

Прибегаем домой, а наши уже пристрелку из орудий ведут, наступают со стороны деревни Паршино. Мать быстренько собирает продукты и одежду, кладёт всё на салазки, забирает нас — и в лес, к деревне Дашково. Доехали до лесу, а там в овраге почти всё население нашей деревни собралось.

И начался бой, ночной бой со всеми его атрибутами. Ракеты взлетают. Трассирующие снаряды и пули летят, мины рвутся, дома кругом горят, а выстрелы, выстрелы — со всех сторон. Часа два-три такое продолжалось. И вдруг крики на деревне слышим. «Ура!»-прокричали, и даже кто-то по-русски матерился. Прибежал к нам из деревни один паренёк — Кислов Валентин, сказал, что наши в деревню вошли, велели всем нам домой возвращаться.

Входим в деревню, а половины домов уже и нету. А наша изба стоит, уцелела! Открыл дверь, а на полу везде солдаты спящие вповалку лежат.

— Прыгай по ним, сынок, и лезь на печку, они ничего не чувствуют, спят мертвецким сном! — говорит мне командир.

И всю ночь на постах часовые у пулемётов сидели, ждали контратаки.

А через день меня и несколько человек мужиков попросили похоронить погибших в бою. Среди них был и наш сосед — Кокорев Фёдор Иванович. Немец у него в огороде с пулемётом засел и, чтобы ему было хорошо всё видно, решил поджечь избу. Облил крыльцо бензином и поджёг, а сам опять в огород. А хозяин-то со двора вышел и забросал огонь снегом. Немец это заметил и встал за углом с пистолетом. И только Фёдор Иванович опять выглянул, немец все пули в него всадил. Так он и лежал у крыльца лицом вверх, с широко открытым от боли ртом, с раскинутыми в стороны руками.

И вот вырыли мы две ямы: одну за речкой Селянкой, на краю теплухинского поля, другую — за нашей деревней, сзади дома Левиных, на месте сгоревшего сарая. И сложили в них двадцать — тридцать человек наших солдат, разутых и раздетых, в одном нижнем белье. И почти

все их медальоны, с записью в них данных о каждом, нам велели побросать в могилы. Некому, видно, было заботиться об их памяти и родственниках. И лежат они до сих пор без вести пропавшими, потому что место их захоронения давно уже распахано, и никому теперь до них, видно, нет дела.

И точно так же, вероятно, где-то лежат мои погибшие на фронте односельчане — более двадцати с лишним человек на двадцать наших домов.

27 января 1991 г.
Никонов С.

Беляева Мария Егоровна — мать Беляева Александра Михайловича, председателя Мособкома профсоюза
(написано собственноручно, орфография сохранена)

ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ НА СМОЛЕНЩИНЕ

Я, Беляева Мария Егоровна, родилась 24 августа 1935 г., поэтому о Великой отечественной войне я помню только некоторые её эпизоды.

Помню, как в одно солнечное утро лета 1941 года я была со своей мамой, где она привязывала на лужайке тёлку, как вдруг полетели самолёты, полетели снаряды, люди побежали по большаку (так называли насыпную дорогу, ведущую в другую деревню). Мама схватила меня за руку, положила в мешочек сухарей, два куска сала, и мы тоже побежали. Как оказалось, мы прибежали туда, где начался самый настоящий бой. Наши солдаты на лошадях кричали нам: «Куда вы бежите? Прячьтесь!». На пути встретилась пустая компостная яма, кто-то опустил лестницу, и все попрятались в неё. Потом всё стихло. Подошли немцы, сначала хотели бросить в яму гранату, но потом стали махать руками, чтобы мы все вылезли. Забрали все продукты: сало, масло, сухари. А в тёлку, которую привязала мама, попал снаряд, и её разорвало на части.

И началась наша жизнь в оккупации, которая продолжалась почти 2,5 года. Нам от немцев не было никакого покоя, забирали все продукты — сало, яйца, кур. Заставляли маму готовить еду ночью.

До войны у нас был колхоз, и рядом с нашей деревней было местечко, где жили евреи (они в основном занимались торговлей). Так вот немцы пригнали их всех (взрослых и детей) на кладбище, заставили рыть яму, потом построили и всех расстреляли. А всех жителей деревни

пригнали на это смотреть. Моя мама меня туда не повела, спрятала. Их могила еще некоторое время шевелилась, то есть их закопали ещё живыми.

Это было всё в Смоленской области, деревня Захарино.

Потом немцы ходили по домам. В нашем пятистенном доме разместили штаб, жили у нас офицеры. Нас не выгоняли, обходились даже по-человечески — иногда даже давали мне белый хлеб, сладости. Они говорили, что у них тоже есть дети («кляйны»). Мама поняла это, и, так как была очень добрым человеком, принесла в дом люльку соседского малыша и спросила, можно ли взять малыша у соседей, потому что в их доме разместилось очень много солдат, может все сто, так как они спали и на полу, и в коридоре, и в бане. Но немецкие офицеры не разрешили принести соседского ребёнка, потому что он им мог мешать.

Однажды немцы вдруг быстро куда-то засобирались. Колхозное стадо и многих селян погнали в Германию. Моего отца тоже забрали (на фронт его не взяли по старости, я была поздним ребёнком). Всю молодёжь тоже погнали в Германию. А мама, чтобы немецкая комиссия не утнала мою сестру Надю (она была на 10 лет старше меня), приложила и растёрла на её ноге ядовитую траву с солью — нога сразу воспалилась. Но немцы все равно включили её в угон. Мама не могла оставить её, тем более с больной ногой, и поехала с ней на лошади. А меня оставила с соседями. Мама потом рассказала, что в дороге один полицейский сжался и показал ей боковую дорогу в лес, куда она и свернула, погнав лошадь вскачь. Немцы стреляли вслед из автоматов. Мама потом рассказывала, какой это был ужас: дочь за спиной в телеге, над головой свистят пули. Она реально поняла фразу «волосы встают дыбом», хотя и была в платке. Только на третий день они вернулись домой.

Немцы при отступлении все деревни, расположенные по большаку (насыпная дорога), сжигали. И все жители деревни сидели в ольховом кустарнике и видели, как горят их дома, бани, сараи. Тоже случилось и с нашим домом. И вдруг мы увидели, как наша корова, (которую вместе со стадом угнали в Германию), прибежала (то есть она убежала из стада) и старается открыть горящие ворота. Мама позвала её «Зорька, Зорька!» — и корова к нам прибежала. Мама её потом подоила и раздала молоко грудным детям (а не мне). Зорьку мама спрятала от немцев, привязав её к деревцу на болоте. Потом эта корова, Зорька, спасла жизнь многим детям, потому что это была единственная оставшаяся корова на всю деревню.

Потом пришли наши солдаты.

Всех «погорельцев» приютили жители других деревень. Мы уехали к дяде Василию и жили у него до ноября. Потом в ноябре пришел отец, которого заставили гнать скот в Германию. Ему удалось убежать.

Поскольку изба, где нас приютили, была маленькой, и в этой местности не было леса, чтобы построить избу, родители решили поехать к сестре отца в деревню Прилеповка Стодолищенского района Смоленской области. Там жили все вместе: мы — четверо, тетя с дочерью и падчерицей, которая пришла с дочерью неизвестно откуда и ещё три наших солдат. Эти солдаты приносили обед, сажали нас, детей, и кормили из своих котелков. А когда они приносили новые портянки, то отдавали их матерям, которые их красили и шили нам — детям платья и платки.

В нашей деревне жили солдаты, которые ухаживали за лошадьми, которых потом направляли на фронт. Когда лошадям привозили жмых, мы, дети, приходили к солдатам и говорили, что будем им помогать. Но они бросали нам

по плитке жмыха и мы бежали домой, разламывали эти плитки, грели в русской печке и ели. Было очень вкусно.

Отец с сестрой Надей рубили лес, выносили бревна на поляну, там собрали маленький домик, а военные потом помогли привезти его в деревню. В нём потом и жили.

К этому времени для нас война уже окончилась. До войны в нашей деревне было 65 домов. Из мужчин с войны пришли только двое: один без ноги, другой — без руки. Женщины выполняли всю работу: косили, копали землю лопатами. Мой отец отбивал им косы, потому что женщины это не умели делать.

Запомнился один случай. Пришел безрукий председатель колхоза и сказал отцу: «Леонтьевич, возьми быка (лошадей в колхозе тогда не было), 1,5 пуда зерна, поезжай с Надей и засевай там кусок земли, которую вскопали лопатами женщины». Лопатами! Даже не на коровах, которых тоже почти не осталось.... Вот с каким трудом тогда обрабатывали и засевали землю. Не было ни машин, ни лошадей. Сеяли рожь, ячмень, овёс, лён, пшеницу. Почти всё сдавали государству. Детей также выводили полоть и убирать урожай.

Я — патриот своей страны, мои родители ушли из жизни, мои ровесники также потеряли своих родителей на фронте или в тылу. Они защищали свою Родину, как могли. Мы — дети войны, всегда гордились своей Родиной. Жаль, что многое за последние десятилетия порастеряли. И ветераны, имеющие по 45-50 лет трудового стажа, получают пенсию 8-12 тыс. рублей. И всё равно мы — патриоты своей Родины, и учим своих внуков и правнуков любить её.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Автор статьи Бубенок Юлия — внучка председателя профкома Павлово-Посадского ПАТП — филиал ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» **Бубенка Павла Семёновича.**

Как-то вечером мы сидели на кухне и пили чай. Дедушка мой, Павел Семёнович, в этот день приехал из Брянской области очень расстроенным. Он давно не был на Родине и то, что дедушка увидел, очень его огорчило. В родной деревне дедушки почти не осталось жителей, только древние старички доживали свой век в покосившихся домишках. А когда-то деревня была очень большой, там насчитывалось примерно триста домов. Дедушка пил чай и вспоминал про свою жизнь в родном доме, рассказывал нам про своих братьев, сестер. Но больше всего нас поразила один случай из жизни дедушкиных родителей, которые чудом спаслись в войну. Эту историю дедушке рассказал его папа Бубенок Семён Прокопьевич.

Семья моего дедушки жила в Брянской области в деревне Буда-Понуровская. Шел первый год войны. Люди жили очень тяжело, но как-то перебивались своим хозяйством. В тысяча девятьсот сорок первом году немцы заняли деревню. Вот тогда для жителей наступило особенно тяжелое время. Немцы уводили скот, резали кур. У моей прабабушки, которой в это время был 31 год, имела восемь своих детей и пять соседских, но жили они очень дружно, хотя и впроголодь. Моя прабабушка, Ульяна Степановна была очень добрым и набожным человеком, всегда молилась за здоровье родных и близких.

Прабабушка не делила детей на своих и чужих, всех жалела и ко всем относилась с материнской любовью и теплотой. И вот в тысяча девятьсот сорок третьем году, в сентябре, началось освобождение нашей земли. Ульяна Степановна вместе с детьми шла по улице, и к ней подбежал немец, молоденький совсем, и говорит ей: «Матка, уходи в лес с детьми, страшный бой будет!» Даже немец пожалел эту женщину с добрыми глазами, с понурой от усталости и голода головой, которую всегда окружала куча детей. Тогда мой прадедушка, Семен Прокопьевич, взял всех и повел в лес. У него была броня и он не воевал, так как он был специалистом по дереву и работал в тылу. Прадедушка был очень ответственным человеком и работал на износ. Сил иногда не хватало даже на то, чтобы дойти до лавки и лечь. Семен Прокопьевич был очень справедливым и даже жестким человеком. Так вот, привел он всю семью в лес и положил крутом, как бы звездой, чтобы голова лежала к голове. «Если попадет снаряд, погибнем все вместе», — рассуждал прадедушка. Сколько же сил и мужества надо, чтобы пойти на это, но он не мог допустить, что кто-то из его детей будет видеть смерть своего родного человека.

Уже начали бомбить, и Ульяна Степановна сказала мужу: «Сень, боязно на этом месте лежать, предчувствие плохое, давай перейдем на другое место». Они ползком стали перебираться в глубь леса. Кругом разрывались снаряды, небо освещалось как при грозе, дети плакали, им было очень страшно. Только они улеглись, как раздался оглушительный взрыв. Прадедушка насколько смог всех обнял руками и поддерживал родных добрым словом. Они очень долго пролежали на этом месте, никто даже не был ранен.

Когда бомбежка прекратилась, собрались ближе к дому. А когда проходили мимо того места, где первый раз легли, то оцепенели от ужаса. В центре, где соприкасались их головы, вся земля была выкорчевана. Снаряд попал именно туда, где они лежали. Прабабушка ещё больше прижала детей к себе, и они побрели к дому. Голодные, уставшие и испуганные, они дошли до своей деревни.

Зрелище, которое открылось перед ними было ужасным. Деревня была, как после страшного пожарища. Очень много домов было разрушено, кое-где выступали огромные деревенские печи. Многие люди погибли. Дети плакали, женщины рыдали, но баня Семёна Прокопьевича и Ульяны Степановны уцелела, как будто её кто то убрал на время бомбежки, а потом поставил на место. И даже хлипкие ставни качались на ветру из стороны в сторону.

Вот такое чудесное спасение произошло в семье моего дедушки.

Заново отстроили деревню. Прабабушка и прадедушка всегда помогали людям, пускали жить, когда строился чей-то дом. В деревне их все любили и уважали. Много людей не вернулось в деревню с войны, многих расстре-

ляли немцы. И дети Ульяны Степановны и Семена Прокопьевича, пережив голод, страх и унижения, сплотились еще больше, понимая, как было бы им плохо друг без друга.

После войны у прабабушки и прадедушки родилось ещё трое детей. Она была награждена двумя орденами «Материнской Славы» и медалью «Золотая звезда».

Все одиннадцать человек выросли хорошими и порядочными детьми. Последним родился мой дедушка, Бубенок Павел Семёнович, и благодаря своим родителям, которые воспитывали его в строгости, но с любовью, в жизни добился всего сам. Он очень уважаемый человек, про него даже в газете писали. Прабабушка до самой смерти всем помогала, чем могла. Дети её очень ценили, наверное, поэтому она дожила до восьмидесяти семи лет. Прадедушка, к сожалению, умер рано. Если бы они были живы, то на сегодняшний день у Ульяны Степановны и Семена Прокопьевича было бы двадцать два внука и двадцать четыре правнука.

Анна Лукинична Токарева — родная тётя заведующей по хозяйству Одинцовского ПАТП Филиала ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» Зениной Елены Васильевны.

Я, Зенина Елена Васильевна, хочу Вам поведать историю биографии моей родной тёти — Токаревой Анны Лукиничны. Она прожила короткую, но яркую жизнь.

Родилась Анна 20 августа 1920 года в небольшом селении Гремячка Пронского района Рязанской области в семье рабочего. До её рождения в семье её было уже двое детей: сестра Мария, рожденная 1 августа 1912 года, и брат Василий 7 ноября 1918 года рождения.

В детстве она была, по рассказам старшей сестры, очень умным и развитым ребёнком. Аня, поступив в школу в 1927 году, училась с большим прилежанием и успевала по всем предметам. По окончании школы поступила на фельдшерские курсы. Закончив их в 1937 году пошла работать в госпиталь медсестрой. В 1938 году Анна, отработав год, поступила в мединститут. После окончания 2-го курса во время сдачи летней сессии началась Великая Отечественная война. Получив повестку и звание младшего лейтенанта ушла на фронт. Она участвовала в боях на Орловщине и Брянщине.

В 1942 году при перегруппировке войск ей пришлось в последний раз повидаться с родными.

По рассказам бабушки и её сестры Марии, Анна была исполнительницей и бесстрашной, готовой к выполнению любого задания командования.

Письма от Анны приходили регулярно. Даже последняя весточка..., самая страшная весть о ее гибели 15 сентября 1943 года при освобождении Брянской земли не заставила себя долго ждать.

Мать Татьяна и все родные, не смотря на полученное известие, продолжали ждать Анну домой. Время шло, надежды о том, что она может вернуться таяли с каждым днем...

Мама, сестра и брат многие годы пытались найти место ее захоронения. Но все попытки были тщетны, так как в весточке о ее гибели было написано, что погибла Анна на границе Белгородской области.

Шли годы, родных уже нет в живых, но я как племянница решила довести поиск до конца. И мне улыбнулась удача: на одно из обращений в архив Министерства обороны в г. Подольске мне пришел ответ, что Токарева Анна Лукинична погибла близ деревни Верхи Бежецкого района Брянской области.

Изначально она была захоронена на окраине деревни вместе с медсестрой Бычковой З.П., а в 1967 году перезахоронена в братскую могилу в указанной деревне.

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Председатель профкома «А/к №1783» филиал ГУП МО «МОСТРАНСАВТО» г. Ногинск Пугачев К.Н.

В годы Великой Отечественной войны на защиту Родины из Автоколонны №1783 ушли 30 человек, 20 из них не вернулись обратно. В память о них на территории предприятия силами работников Автоколонны в 1975 году воздвигнут мемориал, а в 2005 году мемориал был обновлен, где были увековечены имена ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, как умерших, так и ныне здравствующих. К Дню Победы к мемориалу работники Автоколонны возлагают венки и живые цветы, ежегодно проводится митинг, посвященный памяти погибшим.

21 ветеран Великой отечественной войны и 39 тружеников тыла предприятия внесли свою лепту в дело Победы над фашистской Германией.

К сожалению, время идет, люди уходят и на данный момент в Автоколонне №1783 осталось 5 ветеранов ВОВ и 22 труженика тыла.

Председателем Совета ветеранов Автоколонны №1783 является Вакуров Николай Александрович, отработавший на предприятии более 40 лет. Продолжает трудиться в Автоколонне ветеран ВОВ сторож крытой стоянки Марченко Владимир Павлович. Среди ветеранов, ушедших на заслуженный отдых, Бедретдинов Юсип, Бобкова Лидия Васильевна и многие другие, которые своими боевыми подвигами и самоотверженным трудом обеспечили Победу над фашистской Германией. На предприятии трудовую вахту в годы Великой Отечественной войны несли ветераны, в их числе Короткова Вера Петровна и многие другие.

